

НЕВСКИЙ ЗРИТЕЛЬ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

МАЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Въ Медицинской Типографіи.
1821 года.

Печаташь позволено: съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ, Маія 1 дня 1821 года.

Цензоръ Стат. Сов. и Кав. Ив. Тилковскій.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

стрaн.

I. ИЗЯЩНАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

а) ПРОЗА.

Дорожныя записки на возвращномъ пути изъ Ревеля (*окончаніе*) 101.

Саидъ или дружество 122.

б) СТИХОТВОРЕНІЯ.

VII Посланіе Боало къ Расину 135.

Восхожденіе солнца 140.

Осень 141.

Пѣснь благодарности 143.

Посланія.

1. Къ Графу Дм. Ив. Хвостову 146.

2. Къ Плѣнирѣ 153.

II. КРИТИКА.

Разборъ Стихотворенія: *Тоска Араба по милой* 156.

III. СМѢСЬ.

Краткія Историческія извѣстія объ Аршиллеріи 162.

Письмо изъ Швейцаріи 178.

Русскій театр 187.

Объ иностранныхъ театрахъ 189.

Иностранная Литтература 191.

Письмо къ Изд. о бѣдной вдовѣ 193.

IV. ПОЛИТИЧЕРКІЯ НОВОСТИ 195.

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

ИЗЯЩНАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

А) П Р О З А.

ДОРОЖНЫЯ ЗАПИСКИ НА ВОЗВРАТНОМЪ
ПУТИ ИЗЪ РЕВЕЛЯ.

(Окончаніе.)

Не спало Грознаго Іоанна! — не прошли времена грозныя. Сѣкиры и палицы опричниковъ не висѣли уже надъ головами гражданъ; но голодъ перзалъ ихъ, Поляки расхищали, Шведы громили. Коропко и бѣдшвенно было царшвованіе Θεодора; онъ умеръ; и раздоръ, увѣнчанный надгробными кипарисами власти законной, схватилъ бразды правленія. Между-царшвіе длилось недолго: честолобивый Годуновъ могильною спезей прокрался къ проноу сыновъ Рюриковыхъ и кровію Царевича Углич-

скаго оросиль шапкое колесо фортуны. Уже налагаль цѣпи и припворялся опшвергающимъ вѣнецъ; какъ бы нѣ хопя приняль его, и мудрымъ, но злополучнымъ Правительствомъ выкупиль свои преспуленія, и не могъ осчаспвливишь подданныхъ. Ядъ прекрапиль бурную жизнь Годунова — и Русь превратилась въ спань разбойничій: чужіе и свои грабили, кто что могъ. — Поляки, покровительствуя Опрепьева, вшпорглись въ границы наши, какъ друзья—своихъ выгодъ. Дворъ призналь Царемъ лже-Димитрія; народъ, вольный только мѣняшь цѣпи, казалось вѣрилъ пому, и несповѣства Липовцевъ ознаменовали возшествіе на престоль пришельца. —

— „Рѣшено!“ сказаль тогда бояринъ Гедонъ Беспужевъ, „я не слуга Польшѣ. Кто не держаль спремя Грозному, не поклонишся пошь и Царю-самозванцу; передъ нимъ корона, со мною чешь моя, ѣду.“ Сказаль и опправился изъ Москвы въ свои помеспья на Лугу мирную, гдѣ какъ опецъ семейства, какъ добрый владѣлецъ, въ заняпіяхъ сельскихъ, хопѣль забышь горе опечесства, которому не могъ пособишь. Издавна ужа-

снѣй бывъ Царямъ, онъ зналъ спрахъ поль-
ко въ своихъ прошивникахъ, и не разъ
разгромленныя спѣны городовъ Ливонскихъ
видали его первымъ на раскапахъ своихъ, въ
самомъ пылу приступа.

Возросши въ биввахъ, Беспужевъ пре-
зиралъ пронырствами Двора, не искалъ ми-
лосости временщиковъ, не вымаливалъ Цар-
ской опалы. Какъ воинъ опытный дра-
лся въ полѣ, какъ прямой бояринъ говорилъ
красную правду на шумныхъ выборахъ. „Но
когда вяжущъ руки на доброе, думалъ онъ,
не хочу служишь злобѣ“ — и ждалъ покойно
лучшаго времени. —

„Аже-Димитрій свергнушь!“ разнеслось
повсюду, и Гедеонъ запиновалъ съ друзьями.
„Теперь ты можешь бышь зятемъ моимъ;
(писалъ онъ къ юному Всеволоду Горскому);
празднуешь сваяшая Русь, а мы развѣ не
Рускіе? оправданы мои слова, сбывсь и швоя
надежды. Приѣзжай; Евпраксія, наречен-
ная невѣспа швоя будешь шебѣ женою.“ —
Пылкій Всеволодъ прилепѣлъ къ любезной
сердцу, и Беспужевъ, обнимая его, сказалъ:
Дѣши мои быющыя въ дружинахъ дальныхъ,
будь мнѣ вмѣсто сына роднаго. Недѣлю

посвящимъ радости, а потомъ иноходцы
 ждуть насъ, ждуть поле рашное и служба
 опечесству. Я слишкомъ спартъ, чшобы
 дорожишь своею жизнью, но довольно мо-
 лодъ что бы наносить смерть врагамъ
 опчизны. Сего дня сговоръ, а завпра свадь-
 ба. Благословляю! — Радостно чокались
 жаловонные Царями ковши съ золоченными
 кубками, за вечернимъ споломъ, въ рукахъ
 гостей и сродниковъ, шипѣли меда, лились
 вина и наливки. Красныя дѣвушки распѣ-
 вали пѣсни, подъ гусли звончатыя; женихъ
 съ невѣстой не могли наглядѣться другъ на
 друга, а спарики, разглаживая усы, толко-
 вали объ оружьи и кольчугахъ, о коняхъ и
 войнахъ; вспоминали спаринное, гошповились
 къ будущимъ бишвамъ. — Все шумѣло и
 радовалось, все праздновало и ликовало: по-
 шли въ ходъ чары заздравныя, загремѣли
 бубны и трубы

Вдругъ черный воинъ въ лапахъ Герман-
 скихъ, съ писполепомъ въ рукѣ явился пе-
 редъ споломъ пи шесства. „Ни съ мѣста!“
 произнесъ онъ къ испуганнымъ госпямъ, ко-
 торыя поскакали съ лавокъ „или я раздроб-
 лю черель первому, кто шронешся!“ Копья

и карабины засверкали въ дверяхъ и окнахъ; изумленіе, ужасъ оковали всѣхъ, звукъ голоса умеръ въ воздухъ. —

„Узнаешь ли ты меня, Гедeonъ? продолжалъ онъ, поднимая рѣшепку шлема своего и усpreмя грозные взоры на Беспужева. „Узнаешь ли во мнѣ юношу, копорого повергъ и помонилъ ты на развалинахъ Линневардена и въ цѣпяхъ волочилъ до Москвы? Пять лѣтъ, брошенный тамъ какъ звѣрь въ ямъ подземной, я пипался одною надеждою мести. О! какъ проклиналъ я тебя, когда Русскія дружины шли поражать братьей моихъ! я грызъ оковы, и наконецъ разбилъ ихъ, и наконецъ пришелъ къ тебѣ заплапипть долгъ мой. — Чшожь ты не попчущешь гостя нежданого? или мнѣ начашъ круговую?

Тышь налилъ онъ вина въ желѣзную перчашку свою, оппилъ самъ и подаль ее Гедeonу.—„Долго я слушалъ тебя, незнакомецъ, опвѣчалъ Беспужевъ съ гордостію; не помню швоего имени рыцарскаго, не хочу знать прозванья разбойника. Я служилъ родинѣ, исполнялъ велѣнне Царя; Богъ судья ему, а не ты. Не думай, что лапы шворяптъ

безспрашными: брашья швои и въ нихъ бѣгали опъ меня, я шебя презираю и безоружный. Передо мной сотни перчапокъ Нѣмецкихъ падали вмѣстѣ съ руками, — не бывашь и эпой на сполѣ боярскомъ! Подлый разбойникъ! вошь она.“ Онъ бросиль ее на землю. —

„Разбойникъ, говоришь ты, съ яросшию вскричалъ черный воинъ; но я былъ ученикомъ швоимъ въ ремеслѣ грабительства, или ты позабылъ осаду Линневарденскую, когда алчные рапники дружины швоей сквозь дымъ и огонь ворвались въ домъ опца моего, и младенцевъ, сестерь и брашьевъ моихъ разможжили на камнѣ? Твой мечъ пронзилъ сердце моего родишеля. Меспъ и свобода были послѣднимъ его завѣщаніемъ, единспвеннымъ моимъ наслѣдіемъ: великодушные Россіане испребили оспальное: — даже слѣды замковъ моихъ исчезли подъ боронами вашими. Вы сокрушили орденъ; но, сложивъ креспъ, я не сложиль меча, и эпошъ мечъ, закаленный въ слезахъ Ливонскихъ, придцапъ лѣпъ вкушаспъ кровь неприятельскую — и швоею пащелся; но не здѣсь, нѣпъ, — шамъ гдѣ шы убиль опца

моего, памъ изъ шебя по капль выпочу жизнь и развѣю прахъ швой по полю. Беспужевь! я не даромъ былъ свидѣтелемъ свирѣпства Царскихъ сподвижниковъ, когда военноплѣнному спарцу Фонъ Мюнсперу выжгли они шомполами глаза и замучили его подъ лозами. Я повпорилъ все эпо съ Де ла Гардіемъ въ Нарвѣ и Венденѣ, опмщевая смерть друзей, копорые взлешѣли добровольно на воздухъ, не желая подвергнушь ся плѣну подобныхъ варваровъ. За чемъ ты не вспрѣшилъ памъ смерти опъ руки моей въ бипшѣ почешной? Я клялся погубить шебя — и погибнешь безъ славы! Ты, злодѣй, опнялъ у меня свободу, честь и все, что чловѣку дорого на землѣ. Во время плѣну моего моя суженая вышла за другаго, и я убилъ ее, и ты одинъ винень, что Эдгардъ фонъ Шрейперфельдъ спалъ разбойникомъ. Проклятія всѣхъ — шеперь мои пишла, обращаю ихъ на швою голову, и радуюсь что ты можешь понимать оныя на языкѣ своемъ. Но уже время! Риннекеръ! Розитшень! Вульфъ! попросише бояръ распоясашься и свяжише ихъ кушаками. Долой бархашъ и камку,

весною тепло. Рейсары! снимайте со шпола серебро и золото, съ госшей жемчуги и камня. Фреймань! солому во всѣ углы, пепли по всѣмъ жолобамъ: двухъ на висѣлицу, претьяго на вороша — понимаешь? Спарики не спуюшь пороху, оставь ихъ погрѣйся у пожара. Смопри, Гедеонъ! одинъ только эпошь кремень оспался мнѣ опъ всего дома родительскаго и онъ раздѣлишь со мною сладость мщенія!“ Съ сими словами Шрейперфельдъ ударилъ кремнемъ въ обухъ меча своего, искры полились, зажгли прущъ и солому — и домъ вспыхнулъ. — Крикъ, вопли и выспрѣлы раздались повсюду. Гофлейпы грабили и рѣзали, деревня пылала, вой набашныхъ колоколовъ разносилъ ужасъ въ окрестности. — „Вопъ мои потѣшныя огни и звонъ швоей панихиды, говорилъ съ адскою улыбкою Шрейперфельдъ связанному Гедеону, который проклиналъ его. Благодари жъ меня, чпо я памятливъ: издалика пріѣхалъ, повеселишь друга, на свадьбу къ швоей дочери. Не крушисъ Гедеонъ, и она ѣдетъ съ нами — полюбовашься швоею смершю. Конрадъ! подведи бѣгуновъ спарику и красавицѣ, Трей-

мерзень! возьми двадцать удалцовъ на лучшихъ коняхъ, спускай впередъ провожашь плѣнниковъ, и помни, что ты головою отвѣчаешь мнѣ за цѣлосць ихъ; Шпернъ расскажетъ тебѣ куда ѣхашь и гдѣ съѣхашься, — спиши!“ —

Бушеваль вихоръ по бору, шучи набѣгали грядями; изрѣдка блѣдный лучъ мѣсяца сверкалъ на черныхъ лапахъ Гофлейшовъ Эдгардовыхъ и снова скрывался въ распоргнипыхъ облакахъ. Раскашы опдаленнаго грома сливались съ шумомъ водопада Наровскаго, къ кошорому приближались они; все предвѣщало бурю. —

Гаупшманъ! сказала Шрейперфельду рейтаръ Шпольць, вопъ мѣсто, куда назначено собиращься всѣму шпандаршу нашему,“ и апаманъ осадилъ коня своего. „Слѣзай! командоваль онъ; разведише огонь шоварищи, лошадей въ коноводъ, часовыхъ на дорогу; опдыхайше.“ —

Подъ вѣковыми соснами, на полянѣ запылали прескучія вѣшви, и свирѣпья лица Гофлейшовъ мелькали на заревѣ сквозь дымъ, какъ привидѣнїя злыхъ духовъ. Иные убирали коней, другїе пекли мясо на пала-

шахъ своихъ. Вино лилось, и громкій смѣхъ разносился въпрямь. Угрюмъ лежалъ ашаманъ подлѣ коспра, завернувшись въ плащъ, и дикіе взоры его, блуждая окрестъ, нетерпѣливо кого-то искали. „Эпо непонятно! наконецъ вскричалъ онъ, эпо непроспительно! Треймерзенъ долженъ опередить насъ, а его нѣтъ до сихъ поръ; или онъ заблудился, или пошелъ дальнею дорогою, но въ обоихъ случаяхъ онъ спойпъ веревки. —

Wer da? раздалось на дорогѣ. Freund! опвѣчалъ голосъ; „эпо онъ, эпо Треймерзенъ! нѣтъ; всѣ ошиблись. — Лапникъ спрыгнулъ съ коня, хладнокровно оппустилъ подпруги, размундшпучилъ своего Буцефала и тогда уже подошелъ къ огню: — эпо былъ Гофлейпъ, именовъ Фронгольдъ. — „Здорово, пріятели! здравспвуй Гауптманъ! гдѣ воевалъ, гдѣ ты спранспвовалъ? — Ва! да у васъ пиръ горой, и водка и вино, bravo поварищи! эпо кспаши моему постпному желудку. Ваше здорвье! сего дня я шакъ опощалъ, что долженъ былъ два раза спятивать поршупею, боясь потерять ее вмѣстѣ съ палашомъ.“ Между шѣмъ онъ при-

спально работалъ руками и зубами. „Спранное дѣло! продолжалъ Фронгольдъ, передъ ужиномъ тѣло мое прыгало въ кирасѣ шуда и сюда какъ сухой орѣхъ въ скорлупѣ своей, а шеперь надо распускать пряжку за пряжкой. Товарищъ Германъ! не въ службу а въ дружбу, задай овса жеребцу моему, онъ шакъ скакалъ вчера какъ будшо и ему грозила висѣлица. — „Скажи пожалуй, опкуда пы взялся? спросилъ его Шрейперфельдъ. — „Бездѣлка, Гаупшманъ! чупь-чупь не изъ пепли. Мнѣ захошѣлось подѣлаться съ однимъ богатымъ Шведскимъ дворянчикомъ: говоря ихъ языкомъ, я пробрался къ нему на мызу, кошорая верспахъ въ сорока опъ Нарвы; шамъ выдалъ себя за Шведскаго офицера, будшо бы ѣдущаго изъ Ноптебурга въ Ревель, и сначала все шло удачно. Смерклось, меня оставили ночевать, я пошихоньку осѣдмалъ коня, пробрался къ кладовой и, лишь шолько хопѣлъ палашемъ уговорить къ сдачѣ желѣзной сундукъ весьма привлекашельной наружности, вдругъ слышу по всему дому шревогу. Видя, что меня узнали, я выпрыгнулъ въ окно, неожидая удовольствія бышь пропкнутымъ ро-

гапиною. Шпоры въ бокъ вороному — и мы за рвомъ, и мы въ полъ, а шогда поминай какъ звали. Зная, что наши удалцы часто дѣлають здѣсь привалы, я пробрался сквозь чашу, и на эшошь разъ обоняніе не обмануло меня — превеликолѣпный ужинъ особенно для того, кто обѣдалъ наизуспъ. Бьюсь объ закладъ — эшо маленькая подашь съ Русскихъ купцовъ?— „Прямо съ боярскаго стола, любезный Фронгольдъ, прямо изъ-подъ Луги, отвѣчалъ Фрейманъ. — „Изъ-подъ Луги? смѣшеся, или шупишь надо мной? дойши до нее легко, но ворошипься ошполь очень шрудно. — „Однако возможно, сказала Шрейшегфельдъ, я не разъ гостилъ въ границахъ Русскихъ и за непремѣнное положилъ побывашъ подъ Лугою, Гофлейшамъ для добычи, себѣ для забавы. Лѣсами и околицами шихо пробрались мы къ деревнѣ одного боярина, съ кошорымъ мнѣ нужно было рачипашься. Онъ праздновалъ стговоръ дочери. Рейшары мои окружили домъ, а въ немъ ни кто еще не зналъ объ опасности. Надобно было видѣшь каршину, когда явился я между шярующими гостями: хмѣль и спрахъ приковали ихъ къ лавкамъ, спшаканы замерли

въ рукахъ, куда дѣвался и смѣхъ и веселость.—„Ты упалъ какъ громъ съ неба? прервалъ смѣючись Фромгольдъ.“—Но принеси адскія новости, продолжалъ ашаманъ, — услышавъ приговоръ свой, многіе осмѣлились бранишь меня; но свинецъ залилъ имъ горло. Крикъ, стонъ, плачь, пальба, однимъ словомъ — сердце не наравдвалось. О добычѣ спроси у Рейшаровъ: парчами хопъ моспъ моспи, серебра въ волю, въ винѣ и коней купали, а на дорогу себѣ я запалилъ шакіе факелы, что за двадцать верспъ можно было счишашъ сѣдые волосы въ усахъ моихъ. —

Wer da? закричалъ спорожевый Гофлейшъ; отвѣта не было. Фромгольдъ придвинулъ къ себѣ палашъ, ашаманъ положилъ руку на прикладъ карабина. Вѣсперь завывалъ, и порывами наносилъ крупныя дождевыя капли. „Чортъ возми, если тебѣ не привидѣлось, сказалъ часовому Фромгольдъ, подкладывая въ огонь сухія вѣспви, изъ хроброспи своей ты радъ окликашь каждую ворону, тобою же испуганную. Кому охота въ такую ночь прогуливашся по дремучему лѣсу! И такъ въ двои сущи вы

здѣсь? обратишь онъ рѣчь къ Шрейперфельду; но за чѣмъ избралъ ты такую дальнюю въ Линневардѣнъ дорогу? или боялся погони, или войска Липовскаго? — „Поспой, прервалъ его ашаманъ, кажется я слышу конской попошъ. — Фромгольдъ припаль ухомъ къ землѣ. Да, почно. — Вспавай поварищи! загремѣлъ Шрейперфельдъ, и Гофлейпы поднялись какъ шѣни. Топошъ приближался. „Свои,“ отвѣчали шрое запыхавшихся всадниковъ на окликъ часоваго — и въ два мгновенія стояли уже передъ ашаманомъ. „Наконецъ вы здѣсь, съ радостію произнесъ онъ, увидя съ ними полумертвую Евпраксию; но гдѣ Треймерзенъ? гдѣ другіе? — Всѣ погибли, отвѣчалъ Тиллейнъ, всѣ убиты; проклятый женихъ эпой дѣвчонки, невѣдомо какъ ускользнулъ отъ висѣлицы, собралъ слугъ и спрѣльцовъ, заскакалъ намъ впередъ и перерѣзалъ дорогу: дѣло было жаркое, поварищи наши легли; — спарикъ спасся; но мы шрое успѣли ускакать съ дочерью. — Какъ! вскричалъ Шрейперфельдъ, скрипя зубами, его отбили? его увезли? Души адскіе! когда переспанете вы играшь мною? придцашъ лѣшь искалъ я его;

нащель и — поперялъ въ одну минушу; но шебя Евпраксія, шебя ни какія силы не вырвуть изъ рукъ моихъ: ты заплапишь мнѣ за отца своего — и онъ медленно поднялъ фашу ее, наслаждаясь ужасомъ невинной жертвы. Напрасно обнимала она колѣна варвара, напрасно молила его; ни слезы, ни юность, ни красота не пронули злодѣя, закоренелаго въ пресупленіяхъ; — злобно хохопаль онъ, взводя курокъ пистолеша, и повлекъ Евпраксію привязать къ дереву „Пусть отецъ твой спокрашно умираешъ въ тебѣ, покуда я не вырву изъ него души, произнесъ онъ. А! кольцо обручальное! — Разбойникъ сорвалъ его съ руки несчастной, — оно обручишь тебѣ со смертью, оно мило тебѣ, оно будетъ въ сердцѣ швоемъ;“ — смявъ, опуспилъ онъ его въ дуло. „Мольбы твои безплодны,“ продолжалъ Шрейшерфельдъ, прицѣливаясь: — выспрѣлъ раздался, и не спало Евпраксіи.

„Бейше разбойниковъ“ — воскликнулъ невѣдомый голосъ, и выспрѣлы полетѣли со всѣхъ споронъ. Всеволодъ съ конными стрѣльцами врѣзался въ средину испуганныхъ нечаянноспію Гофлейшовъ. — „Милоспи

просимъ,“ кричалъ ему апаманъ, и положилъ на мѣспѣ двоихъ изъ карабина. „Ко мнѣ поварищи!“ и мечъ его засверкалъ какъ молнія. Съча была ужасна: кони и войны падали другъ на друга, свинець поражалъ безстрашныхъ, ломались сабли на панцыряхъ, лепѣли искры мечей; иверки лапъ разбились и пылающій косперъ озарялъ умирающихъ. Окреспность звучала кликами опчаянья и месши, громаы земные спорили съ громомъ небесъ; наконецъ склонилась побѣда на спорону правую. Гофлейпы, задавленные лапами, не умѣли сражаться пѣшкомъ, и, скользя на влажной шравѣ, падали и опспупали. Уже шолько шесперо опспалось опшо всего шшандарша ихъ. Шрейшерфельдъ рубился какъ опчаянный. „Фрейманъ! кричалъ онъ одному изъ сражающихся, вспомни Линневарденъ и не измѣни своему прозвищу; свободными жили мы, вольными должны и умереть.“ Но Фрейманъ палъ опъ руки Беспужева, копорый, не зная своего несчастья, вездѣ искалъ Евпраксию. — Юный Всеволодъ размахомъ сѣкиры сокрушилъ въ дребезги и мечъ и нарамникъ Шрейшерфельда. „Сдайся, злодѣй! воскликнулъ онъ, снова

подъема съскиру, сдѣйся! или умрешь, ты, безоружень. — Но непобѣжденъ, опивчаль ашаманъ, ринувшись на Всеволода и списавъ его желѣзными руками: долго крупились они по скользкому берегу. „Гибни со мной,“ произнесъ Шрейшерфельдъ — и оба полетѣли въ бездну.

Взошло солнце весеннее, и озарило несчастнаго отца надъ шѣломъ дочери. Горько плакалъ онъ; но, смиряясь передъ испытующимъ перспомъ Судьбы неисповѣдимой, оставилъ долину смерти и скоро палъ за родину, подъ знаменами Пожарскаго. До сихъ поръ, говоришь боязливо преданіе, въ часъ полуночи, когда молніи блещуть въ черныхъ валахъ пороговъ Наровскихъ, вспаесть ужасный призракъ надъ рѣкою, и шѣни душегубцевъ блуждають по полю. А шамъ, гдѣ свершилось убійство, гдѣ лилась кровь невинная, и шправка не вѣшся и ласточка не вѣшъ гнѣзда своего. —

Медленно, съ грустной душой удалился я отъ пороговъ, и далекій шумъ водопада

пробуждалъ въ памяти моей отголосокъ давно и недавно минувшаго. —

„Тебя ждущь“ сказалъ Генераль; и мы помчались впередъ, и вопшь уже въ Чирковицахъ, за 4 станціи до Петербурга.

Что скажу я о дорогѣ и станціяхъ? и Рускіе и Нѣмцы брали съ насъ, какъ и вездѣ — дорого; — это не мудрено, но случилось, кормили очень худо — и это неприятно. Любезные земляки наши и Эстонцы не упускали случая спянуть, что плохо лежало; но пропажа была только въ первую дорогу, теперь же все въ цѣлости: не вѣдаю чему приписать такой феноменъ! или мы спали оспорожнѣе или проводники честнѣе. —

Въ гостинцы вамъ, друзья мои, везу нѣсколько *рогулекъ* Ревельскихъ; — что это за вещь? спросите вы? по правдѣ сказать, не слишкомъ знаменитая: — она, — она не менѣе и не болѣе какъ *булка*, но если вы примете на себя трудъ разсмотрѣть ее, съ почтеннымъ собиращелемъ древностей Т. Х — мъ, въ характерическомъ отноше-
ніи, то пока, по угловой гошической фигурѣ своей, займетъ непослѣднее мѣсто

между сайками и калачами и, вѣроятно, составивъ историческое звѣно происхожденія народовъ.

Красное Село, 8 часовъ вечера.

Спутники наши поѣхали на Царское Село, а мы съ брапомъ пьемъ здѣсь чай. Еще два часа — и я въ Пепербургѣ. Чѣмъ ближе подѣзжаю къ нему, тѣмъ болѣе желаю свидѣться съ друзьями и съ родными: тѣмъ сильнѣе бьется речивое! — хорошо въ гостяхъ, говоритъ пословица, но гдѣ лучше какъ не дома? Такъ взлѣтѣвшая къ верху спирѣла возвращается даже опъ неба яснаго, и быспрѣй, быспрѣй несется къ родной землѣ. —

Сижу подъ окномъ, и, размышляя о будущемъ, вспоминая бывое, мнѣ пришло въ мысль, какъ полшора года шому назадъ, во время маневровъ, я чуть не упонулъ неподалеку опсюда. Возвращаясь верхомъ изъ Краснаго села часовъ въ десяць вечера, и желая проѣхать ближнею дорогою въ деревню, гдѣ канпониоваль нашъ эскадронъ, я пошерялъ бойную шпроу и ѣхаль на удачу.

Вы знаете, что Петербургъ окружень подземными болотами, на кошорыхъ пловучіе мхи и распынія образуютъ обманчивую плеву. Не замѣчая что конь мой началъ прорываться, я понуждалъ его далѣе и далѣе; наконецъ онъ прыгнулъ еще впередъ, еще рванулся и — ослѣлъ: обмануный справою, я думалъ въ шрехъ шагахъ найпи берегъ, и шпорами заставиль его, прыгнувъ впередъ, снова огрузнуть; — поздно уже я замѣпилъ неоспорожность свою: голосъ мой исчезъ бы въ пустой окружности — и я зналъ эшо! холодный потъ выступиль на лицѣ, волосы поднялись дыбомъ, въ воображеніи моемъ изобразились всѣ рассказы о подобныхъ несчастіяхъ — конь мой рвался и бился, вода фонпаномъ брызгала изъ пробоинъ и клокопала подъ корою; окружность колебалась, бездна засасывала. Умирашь — и шакимъ образомъ и въ шакія лѣша — ужасно!

Наконецъ я спрыгнулъ съ коня моего, и ежеминушно обрываясь самъ, не желая однако же бросить на гибель шоварища моего несчастія, ободрялъ его го-

лосомъ и поводомъ, и вопль ступилъ съ радостнымъ біеніемъ сердца на твердую землю. — Вообразите какой праздникъ для меня! какая холя коню моему! —

САИДЪ ИЛИ ДРУЖЕСТВО.

Восточная Повесть.

(Изъ Лафонтена.)

Мудрый Саидъ сидѣлъ у дверей своего жилища, осѣненнаго прекрасными пальмами, и подъ тѣнью ихъ наслаждался прохладой. Подлѣ него опдыхалъ единственнѣйшій сынъ его, молодой и прекрасной Дели, котораго задумчивые взоры показывали тайное смущеніе, произведенное въ душѣ его словами отца.

Такъ, сынъ мой, говорилъ ему Саидъ, ты долженъ оставить кровь родительской; тебѣ уже 18 лѣтъ; уединеніе не есть удѣлъ молодости: ты долженъ увидѣть свѣтъ и жить съ подобными себѣ. Завтра же отправись ты въ Дамаскъ, Поѣзжай и будь счастливъ!

Но что нужно для счастья? родитель мой.

Убѣгать знаиныхъ, бытъ благопвори-
пельнымъ и приобрѣсти сердце друга; золопо,
драгоцѣнныя каменя, копорыя получишь
опъ меня — плѣнны; опцвѣпеть красопа
швоя, увянепть молодоспть, и веселоспть со-
дѣлаешся добычею спароспи. Сыци друга,
сынъ мой, копораго бы ни время, ни слу-
чай не могли у шебя похипишь, друга, съ ко-
порымъ бы одна смерпть могла разлучишь
шебя; и если ты можешъ приобрѣспть его
цѣною сокровищъ, то, не колеблясь, опдай
ихъ; еще дешево купишь ты сго.

Дели улыбался, думая, что спарець уве-
личиваетъ цѣну дружбы. Исполнеяный еще
всѣхъ заблуждений неопытнаго сердца, онъ
надѣялся скоро найши вѣрнаго друга.

Сколько же ты имѣлъ друзей въ жизни,
родишель мой? —

Да покровишельспвуетъ шебъ Небо споль-
ко, сколько мнѣ, сынъ мой! у меня одинъ
шолько другъ; но онъ другъ мнѣ.

Одинъ шолько! Ты приводишь меня въ
уныніе Рука швоя была опшверзпа несча-
спнымъ, золопо швое помогало бѣд-
нымъ и у шебя шолько одинъ
другъ?

Такъ, но онъ мнѣ другъ, возразилъ съ воспоргомъ спарець.

День прошелъ въ мудрыхъ наставленіяхъ и пригоповленіяхъ къ опъѣзду; на другой день, съ появленіемъ зари, юный Дели оставилъ опеческій домъ, предшествуемый двумя верблюдами, обремененными золопомъ, драгоценными каменьями и богатыми одеждами—щедрыми дарами родителя. По прибытіи въ Дамаскъ, онъ явился къ Бекиру, другу опца. Бекирь со всею усердіемъ спарался доставить ему хорошее жилище и вѣрныхъ невольниковъ.

Дели въ продолженіе первыхъ дней удивлялся великолѣпію дворца Сулпанова. Мало по малу взоры его привыкли къ сей пышности, и вскорѣ онъ пожелалъ самъ жить роскошно.

Онъ познакомился съ знатнѣйшими изъ юношей въ Дамаскѣ. Имя почтеннаго Саида, нѣкогда занимавшаго важное мѣсто въ Государствѣ, его богатство, пріятная наружность и обхожденіе сына его, все доставляло молодому Дели многочисленныхъ друзей. Онъ давалъ пиры для пріятелей; пріятели давали пиршествва для него; веселость

царствовала при сплахъ его и удовольствіе было цѣлю жизни. Никогда Дели непочишаль себя споль счастливымъ.

Но преспарфльый Бекирь, копорому онъ рассказываль о веселой жизни своей, въ задумчивости опускаль голову, говоря: все плѣнно, сынъ мой; воспоминаніе о невоздержной жизни въ молодости, горешно при спарости, и распочительность не еспь добродѣшель.

Дели слишкомъ былъ увлечень пылкостью возраста и разсѣянъ удовольствіями; онъ не могъ шерпѣливо внимать подобнымъ наспавленіямъ.

Дели убѣгалъ увѣщаній спарца. Знакомство было бы прервано съ другомъ опца его, если бы сей послѣдній самъ не посѣщаль его и неговориль съ нимъ языкомъ разсудка. Юноша продолжалъ вести разсѣянную жизнь, переходя опъ одного увеселенія къ другому.

Случайно увидѣль онъ любимую невольницу одного вельможи, кошорая выходила полько изъ купальни; ничего не было плѣнишельнѣе красоты ея. Воспламененный Дели предлагаль обладашело сей невольни-

цы значную сумму денегъ, драгоценные ка-
менья и пребоваль опъ него прекрасной
Черкашенки, но все было щещно; Дели съ
слезами опчаянїя и съ досадою рассказываль
о прискорбїи своемъ соучаспникамъ удо-
вольспвій.

Развѣ мы не друзья швои? сказали они; и
на другой же день предспавили ему моло-
дую невольницу, красота которой скоро
заставила его позабыть прелести Черка-
шенки.

Какъ заблуждался опецъ мой, говорилъ
онъ самъ себѣ, думая, что весьма
шрудно найши друга! я нашель ихъ мно-
жеспво въ коропкое время, и какихъ друзей!
самыхъ преданныхъ мнѣ. Справедливо, что
и самые умнѣйшіе люди бываюпъ иногда
весьма спранны. Мнѣ должно испыпашъ
преспарѣлаго Бекира; я увѣренъ, что, не
спопря на старинную дружбу, которую
споль хвалипся опецъ мой, онъ не выдер-
жишъ самага легчайшаго испыпанїя.

Въ шопъ же день онъ исполниль сіе
предпрїятїе. Одолжи мнѣ спю унцій золо-
та, сказалъ онъ Бекиру, я намѣренъ дапъ
праздникъ моимъ друзьямъ; а у меня шеперь

нѣшь денегъ. Сынъ Саида, возразилъ Бекирь, если недоспашокъ не позволяешъ тебѣ дашь праздника, по покорись необходимости, воспользуйся тѣмъ опдыхомъ опъ удовольствій, чпобы извлечь душу пвою изъ объятій роскоши и избавишь тѣло пвое опъ помпешельной лѣннспи.

Человѣкъ рожденъ для трудовъ; удовольствіе еспъ его успокоеніе. Будь человѣкомъ, Дели, и не распочай молодоспи, подобно золопу опца пвого.

Благодарю за совѣшь, добрый спарикъ, опвѣчалъ Дели съ насмѣшливымъ видомъ. Въ сундукахъ моихъ еше довольно золопа и драгоцѣнныхъ каменьевъ: я хопѣлъ шолько испыпашъ друга опца моего!

Молодой человѣкъ, вскричалъ Бекирь, симъ-по опыпомъ и доказаль я тебѣ любовь мою; я опказываю въ золопѣ, копное тебѣ нужно на прихопи, но даю тебѣ въ замѣнъ спасительный совѣшь. Дели оставилъ спарца. Такимъ образомъ прошель цѣлый годъ, и Бекирь не преспаваль посѣщашъ сына своего друга, не смопря на оскорбительныя насмѣшки юноши. Подспрекаемый однажды друзьями своими, онъ за-

быль границы благоприспойности даже до того, что угрожалъ Бекиру выгнать его изъ дома. Бекирь съ прискорбіемъ оставилъ Дели.

Слава Богу и Пророку! вскричала веселая толпа, когда Бекирь вышелъ изъ зала; ты избавился опъ эшого спараго мечпашеля и опъ его ушомишельныхъ насшавленій. Язвительныя пѣсни и презрительныя насмѣшки долго продолжались за споломъ. Ввечеру того же дня Дели вышелъ изъ Дамаска прогуляшься подъ прекрасными пальмами по берегу рѣки, насладись свѣжестью воздуха и прогнашь непріятное впечатлѣніе, возмущившее его душу съ той минушы, какъ оставилъ его Бекирь. Вдругъ видишь онъ идущаго къ нему почтеннаго старца, смотришь на него приспально и привѣтствуешь радостными кликами. Онъ узнаеть отца своего, бросается въ его объятія; Саидъ проливаетъ слезы восхищенія, увидя сына послѣ годичной разлуки.

Они оба опправились въ Дамаскъ, и въ продолженіе искренняго разговора Дели рассказывалъ отцу своему о счастливой жизни въ Дамаскъ. Друзья мои, сказалъ онъ....

Саидъ прервалъ его : я непонимаю тебя, сынъ мой, уже ли въ самомъ дѣлѣ есть у тебя друзья? Дели улыбаея: или ты хотѣлъ устрашить меня, родителъ мой, говоря, что нѣтъ ничего рѣже дружества, и давая совѣтъ найти хотя одного друга; или я рожденъ подъ счастливейшею планетою, я имѣю многихъ друзей, готовыхъ для меня пожертвовать своимъ имуществомъ и самою жизнью. —

Въ печеніи всей жизни моей я нашелъ только одного друга, возразилъ Саидъ съ важнымъ видомъ; но онъ былъ мнѣ всегда другомъ.... Поедемъ въ городъ, сынъ мой; ночь приближается. Они вошли въ Дамаскъ уже вечеромъ. Теперь, сказалъ Саидъ, прибывши въ домъ Дели, теперь выдумайте средство испугать друзей своихъ. Обрызгай плащъ кровью, замарай въ пыли, разпусти волосы, вооружись кинжаломъ, одѣнь невольниковъ шлохранишелями Вазиря и поедемъ въ домъ каждаго изъ друзей своихъ; скажи имъ со всѣми выраженіями величайшаго ужаса, что ты поразилъ Вазиря кинжаломъ во время спору и что шлохранишели его преслѣдуютъ тебя :

найди между друзьями своими хопя одного, который бы предложил тебѣ убѣжище и защиту.

Дели, доврчивый, какъ обыкновенно бывають молодые люди, съ воспоргомъ согласился исполнить желаніе опца; пріугошвленія были скоро окончены. Преслѣдуемый своими невольниками, онъ бѣжитъ къ первому ближайшему другу: любезный Горамъ, спаси меня, говоритъ онъ ему: въ минушу бѣшенства я поразилъ кинжаломъ могущественнаго Аль-Маймуна, Визиря, любимца Сулпанова; его тѣлохранители меня преслѣдують. — Аль-Маймуна! вскричалъ другъ его, бѣднѣя отъ страха; удались отъ моего жилища; меня почтутъ своимъ сообщникомъ, бѣги... — Меня преслѣдують! Горамъ, именемъ нашей дружбы заклинаю тебѣ спаси меня.

Вмѣсто всякаго отвѣта, вѣрный другъ заперъ дверь.

Дели, смущенный нѣсколько симъ началомъ, лепитъ къ другому, къ третьему; наконецъ объѣгаетъ весь городъ и отъ cadaго изъ друзей получаетъ пошъ же отвѣтъ и опказъ. Одинъ изъ нихъ, который болѣе про-

чихъ льспилъ Дели, былъ столь жестокъ, что хошълъ даже насильно удержашъ его, дабы предать пѣлохранишелямъ Визиря, крича: вопъ убійца, я предаю его вамъ. Раздраженный Дели вырвался изъ ихъ рукъ и съ прискорбіемъ возвратился домой.

Гдѣ друзья твои? спросилъ Саидъ, улыбаясь. — Ахъ, гнусные обманщики! вскричалъ съ яростію юноша, низкія и коварныя души! Я вижу, что нельзя болѣе надѣяться сыскашь друга. — Юноша! я имѣю одного; но онъ другъ мой. — Не хвались, родишель мой! ты столько же несчастливъ какъ и я; я испыталъ Бекира, швоего друга; онъ невыдержалъ и перваго испытанія.

Онъ разсказалъ старцу, что Бекиръ отказалъ ему во спѣ унціяхъ. Саидъ улыбнулся: пойдешь, сынъ мой; испытаемъ его какъ и другихъ, не для меня, ибо я увѣренъ въ немъ; я хочу показашъ тебѣ, каковъ другъ швоего опца. Возьми кинжалъ швой и поспѣши испыташъ Бекира шеперь, когда горестъ и гнѣвъ безобразяшъ лице швое. Ахъ, родишель мой, онъ навѣрно откажетъ мнѣ въ помощи; и ты будешь имѣть справедливую причину извинишь его, если онъ со мною поспушишь,

какъ прочіе. Почему? — Сегодня я оскорбилъ Бекира; я угрожалъ выгнать его изъ моего дома. Неблагодарный молодой человекъ! что значить эта причина. Бекиръ мнѣ другъ; поспѣшимъ: я самъ поведу своихъ невольниковъ.

Дели повинуется; бѣжитъ, спучитъ въ дверь Бекира; спарець опворяеть. Спаси меня, спаси Бекиръ, за мною гонюся; я Войди поскорѣе, сказалъ Бекиръ; впащиль его въ домъ и заперъ дверь.

Что съ побою сдѣлалось? чего ты хочешь? — Кинжалъ сей обогреть кровію Визиря Аль-Маймуна; спража его преслѣдуеть меня. — Несчастный! въ сію самую ночь темноша запрепятствовала, я думаю, узнать тебя; дай мнѣ твое оружіе, спасайся чрезъ садъ: онъ смеженъ съ городскими стѣнами. Ты можешь перелѣзть черезъ нихъ изъ бесѣдки. Мнѣ оспаеша жить нѣсколько дней: благодарю Всемогущаго, что могу сими днями пожертвовать любезному моему Саиду.

Невольники, сопровождаемые Саидомъ, начали уже спучать. Спасайся, вскричалъ Бекиръ, вырывая у него кинжалъ. Онъ опворилъ двери и сказалъ переряженнымъ невольникамъ: я убійца Аль-Маймуна, умертвише

меня. Въ сію минушу Саидъ, другъ его, для копораго онъ совершилъ споль благородное пожертвованіе, приближается и бросаешся въ его объятія. Удивленный Бекиръ не вѣрнптъ чувспвамъ своимъ, прижимая друга къ препенущему сердцу. Юный Дели приближался къ вѣрнымъ друзьямъ и Саидъ разсказаль Бекиру испытаніе и заблужденіе своего сына.

Почтенный старецъ, обратясь къ Дели, сказаль: молодой человекъ! заблужденіе шебъ свойспвенно; легковѣріе швое есть слѣдспвіе возраста. Но выслушай слова мудрости: они покажутъ шебъ путь къ счастью. Дружба не есть скороспѣлый плодъ; шы не найдеш ее въ пиршествахъ, упоенія конхъ она спрашнтся; ни близъ вельможъ, роскошныхъ жилищъ конхъ она убѣгаеш; ни у злыхъ, конхъ сердца не исполнены ею. Подобно счастью, она вездѣ и нигдѣ; чшобъ обрѣсти ее, познай добродѣтель, мой сынъ, единое сокровище, могущее доставишь права на дружбу. Будь великодушень, человеклоубивъ, чувспвишелень и мудръ, и немедленно сердце друга для шебя опкроешся; наиболѣе помни, чшо скорая привязанность непро-

должнышельна; пальмы Идумейскія распушь медленно, но листья ихъ вѣчны.

Дели послѣдоваль совѣшамъ спарца. Извлеченный изъ круга разсеѣанія, въ кошорое былъ ввергнушь роскошною жизнью, онъ вступилъ въ общесшво благоразумныхъ людей. Сулпанъ въ воздаяніе усердной службы отца, опредѣлилъ его къ должности, гдѣ онъ могъ прудиться для славы Государя и пользы отечесшва. Онъ спарался снискашь друга; но опышы его были неудачны; спустя уже нѣсколько лѣшъ, бросаь въ объашія отца и Бекира, онъ сказалъ: поздравьше меня, наконецъ я нашель себѣ друга! . . .

Спарцы возвели руки къ небу и воскликнули: да приметъ шеперь насъ Всевышній въ Свои селенія! —

И. Б. — вѣ.

Едва сажень земли испрошена на силу,
 Мольера навсегда успѣла скрыть въ могилу.
 Соль ненависная, въ то время, для глупцовъ,
 Причислена въ разрядъ замысловапыхъ словъ;
 Тогда взявъ щеголей, иль Баронессъ одежды,
 Киченю зависни покорные невѣжды,
 На прелестъ новую дерзали возставатьъ,
 При кипромъ замыслѣ плечами пожимаешь.
 Тѣ правильного лицъ явленія просили,
 Тѣ скоро разсердясь, изъ кресель уходили.
 Клишь мысля, чпо съ него срисованъ *Лицелѣрь*,
 Сулилъ писателю за шуточки косперъ,
 Подлянкинь вопіяль, чпо комикъ всѣхъ безсла-
 виль,
 И въ жертву черни, Дворъ на зрѣлицѣ предспа-
 виль;

Но Парка лишъ пѣвца желѣзною рукой,
 Изъ сѣни суешной послала на покой,
 Узнали, сколь была поперя драгоцѣнна,
 Сама Комедія съ нимъ вмѣспѣ поражена,
 Жестпокой сей ударъ съ шрудомъ перенесла,
 Едва ль въ полсапожкахъ — и усноянь могла.
 Вопъ положеніе у насъ шупливой сцены!

Софокла по слѣдамъ взявъ скипетръ Мельпо-
 мены,

Одинъ соземцовъ пы лишъ можешь восхищашъ,
 Въ Корнеля старости Парижъ весь ушѣшашъ,
 Дивисься переспанъ, коль зависнь ковь спле-
 шаетъ

И чернымъ ядомъ лавръ зеленый окропляешь.
 Пусшь воспашаетъ она, сдружася съ клеветой;
 Расинь, познай ушавъ премудрости свяшой,
 Которая всѣхъ жизнь, дѣянья всѣхъ объемлешь;
 Даръ шоржеспвующій въ насъ унываетъ, дре-
 млешь;

Но подспрекаемый враждебностью крамоль,
 Искусства своего восходишь на пресполь,
 Когда тѣсняшь его,— возросъ и укрѣпился
 Родрига угнѣли,— то Цинна возродился.
 На Пирра кришика пшой оскорбляя слухъ,
 Вдохнула, можешь бышь, высокій въ *Бурра* духъ.

Не спорю, что громка моя не сполько слава,
 Чпобъ ею множилась завистниковъ справа;
 Но смѣлая ушна уклонности не знавъ,
 Давно гонителамъ мой обнажили нравъ.
 Мнѣ пользы болѣе ихъ ненависть приносить,
 Чѣмъ даръ (хотя его сполица превозносишь),
 Ихъ желчь, люща ядъ пропивъ моихъ спиховъ,
 Спощкнущся не велишь на крушизнѣ холмовъ.
 Коль смѣло что черкнешъ перо мое спихами,
 Я вспомню, что меня всѣ сперегутъ—глазами;
 Услыша судъ, спѣшу ошибки поправляшь
 И выгоду себѣ опъ злобы доставляшь.
 Коль огласяшь, что въ ровъ попалъ, иль упадаю,
 Я въ мигъ поднявшись, имъ не медля опвѣчаю,
 Усилясь ль меня къ преступникамъ причестъ,
 Крѣпясь въ доспоинствахъ, мою свершаю месшь.

Учись мнѣ подражать, хопь зависть опол-
 чился

И сонмъ словесниковъ безграмотныхъ явися;
 Ты злобой пользуйся и полкомъ словъ пу-
 спыхъ,

Мимопекущему посмѣйся воплю ихъ,

Чшо можешь, мнѣ скажи, невѣжды съ злой пол-
 пою!...

Облагороженный Французскій Пиндъ побюю

Противъ враговъ себя стремишься оградить,

И справедливый судъ попомства упредишь.

Скажи, кшо Федры зря печаль и сокрушенье,

Почти невольное правъ чеспи преспуиленье

За образцовый трудъ не наградишь хвалою?

Сполѣшье славное ты превознесъ собой,

Украсяя Расинъ твоихъ даровъ плодами,

Оно воздасъ тебѣ средь поздныхъ лѣтъ сле-
 зами.....

Однако не сердись, коль Пустословъ знапокъ

Является къ твоимъ прагедіямъ жестокъ;

Бѣда ли шо, коль насъ читають Вралевъ не спа-
 нешь,

Или на обоихъ онъ кришикою грянешъ,

Иль будущъ величашъ буквальники одни;

Другаго лавра жду себѣ я въ наши дни,

Желаю, чшобъ хвала росла— опъ года къ году,

Чшобъ нравишься могли вельможамъ и народу,

Чшобъ удоспоилъ стихъ вниманьемъ кроткій

Царь,

Чтобъ мы плѣнили слухъ спешенныхъ нашихъ
барь.

А прочіе чпецы,— Богъ съ ними, пусть насъ
кинушь;—

Хорошіе стихи опъ толковъ не погибнуть.—

Я для моихъ стиховъ ищу прямыхъ судей,

Я дорожу хвалой разборчивыхъ людей;

Надъ лицами пѣвцовъ иной пусть вѣкъ шу-
дится

И будетъ надписямъ писателей дивиться,

Забывъ, что есть въ стихахъ и тонкой вкусъ
и складъ,

Марону предпочесть онъ Бредорета радъ.

Графъ Хвостовъ.

Тополь сребристый, защитникъ унылый,
Милой опъ знойныхъ лучей!
Ты ли шумишь, надъ возглавьемъ могилы,
Желшой одеждой своей?

*

Вихри бушуйте, свирѣпствуйте бури,
Рвите покровы лѣсовъ.
Скройся навѣки сводъ горней лазури,
Въ сѣни густыхъ облаковъ!

Я. Р — ц — ъ.

П Ъ С Н Ъ Б Л А Г О Д А Р Н О С Т И
О Т Ъ Л И Ц А В О С П И Т А Н Н И Ц Ъ О б щ е с т в а Б л а -
Г О Р О Д Н Ъ Х Ъ Д Ѣ В И Ц Ъ , П О О К О Н Ч А Т Е Л Ъ Н О М Ъ
П У Б Л И Ч Н О М Ъ И С П Ы Т А Н И И , 1 8 2 1 Г О Д А Ф Е В -
Р А Л Я 1 4 Д Н Я .

Х Р А М Ъ М И Н Е Р В Ъ .

П ѣ в и ц а .

К о н ч е н ь п у ш ь ; М и н е р в ы х р а м а
М ы д о с ш и г л и н а к о н е ц ь .
В м ѣ с т о ж е р т в ь и ф и м і а м а ,
П р и н е с е м ь Е й ж а р ь с е р д е ц ь .
Т р у д ь з а б ы ш ь — и м ы б л а ж е н н ы :
В и д и м ь л и к ь Е я с в я щ е н н ы й .

С о в е р ш и л и с я н а д е ж д ы ,
Ч ѣ м ь д ы ш а л и м ы в ь п у п и и .
О п р я с е м ь ж е п р а х ь с ь о д е ж д ы ,
Ч т о б ь в ь с в я ш и л и щ е в о й ш и ;
П . с о х ь с п р а н н и ч і й п о с т а в и м ь
И П р е м у д р у ю п р о с л а в и м ь :

Хоръ.

Мглою подернуть сводъ лазури;
 Ночь на землю налегла;
 Фебъ проглянулъ — скрылись бури,
 И природа ожила.
 Такъ и мы во шъмѣ блуждали,
 Все скорбѣли унывали.

Озаренное Палладой,
 Наше мрачное чело,
 Вдругъ небесною опрадой
 И весельемъ разцвѣло.
 Не Ея ль создали длани
 Бѣлоснѣжны эти шкани?

Вопь олива зеленѣеть!
 Чтوبъ скрѣпить съ землей союзъ,
 Древо не Она ль лелѣеть
 И подъ шѣнь сзываетъ Музь,
 Поучить насъ ихъ устами,
 Душу услаждать спрунами?

Передъ Ней, въ спѣнахъ свяпыни,
 Негасимый огонь горить:
 То залогъ чпо взоръ Богини,
 День и ночь о дѣпяхъ бдитъ.
 Чпо же Мудрой угоповить?
 Спанемъ вѣчно славословить.

Пѣвица.

Скоро, скоро соберемся
На разлуку въ храмъ семь.
О подруги, поклянемся
Предъ Минервинымъ лицомъ
Къ ней въ любви неизмѣнной,
Въ дружбѣ межъ собой неплѣнной!

Слышу вздохи; на ланипы
Льются слезы изъ очей.
Ахъ, упѣшшесь: не забышы
Дѣти Машерью своей,
Очупитесь за морями,
Взоръ Аѳины будешь съ вами.

ПОСЛАНИЯ.

I.

Къ Графу Дмитрію Ивановичу Хвостову.

Какъ долго я минуть счастливыхъ ожидаль
Исполниль Вашего Сіятельства *желанье*

И собственное обѣщанье,

Которое съ такой охотою вамъ далъ:

Къ вамъ написать *Посланье!*

Бывъ множествомъ заботъ обремененъ,

Которы съ Музою моею недружатся,

Я часто принужденъ

Съ цѣвницей на-долго распашься.

И дѣлать то, чего бы и не хотѣлъ.

Свобода и покой— вотъ что Поэту нужно!

Спокоенъ онъ— поешъ, когда ему досужно;

Спокойствіе жъ не мой удѣлъ!

Ищу его; — но гдѣ найши, кто скажетъ?

Кто вѣрною спезю мнѣ къ счастью покажетъ?

„Довольство и покой — о жалкіе слѣпцы! —

„Внутри сердца вашего: тамъ кладь наслажденій;

„Тамъ ваше счастье“ . . . гласятъ намъ мудрецы.

Чтожь сердце наше? — Центръ различныхъ впе-

чашлѣній,

Которыя нашъ духъ превожатъ и мянутъ, —
 Вмѣспилище всего, что чувства,
 Различно пронупы, душѣ передаютъ.

Скажишежь, мудрецы, намъ шаинство искусства:
 Ихъ дѣйствію на сердце возбранятъ,
 Порывами желаній управлятъ...

Но ахъ! вы преданы, какъ мы, спраспей волне-
 нью;

И васъ очароваль сей свѣтъ —
 Сей ложною красой плѣняющей скелешъ;—
 И вы гоняеши минутныхъ благъ за шѣню!...
 И такъ спокойствіе — пока мы *здѣсь*, не *тамъ*,
 Пока мы дань плашишь принуждены мечшамъ,
 Пока не умерли въ насъ пылкія желанья, —
 Опъ мудраго зависитъ сочетанье
Небеснаго съ земнымъ. — Что бы не бытъ въ
 одномъ

Разридѣ со скопомъ,
 Умъ нужень — даръ Небесъ. Но лучшія созданья
 Всевышней мудрости, съ однимъ лишь ихъ умомъ,
 Безъ благъ земныхъ, *ничто* для глазъ приспра-
 спныхъ свѣша...

Ничпожеспво жь не полько для Поэша —
 Несносно для простыхъ людей:

Оно ширанъ спокойства нашихъ дней. —
 Не сынъ я счастья, благъ шѣнныхъ не имѣю,
 И нежелаю ихъ имѣть;

Но лзя ли по морю съ одной худой ладьею,
 Безъ парусовъ и безъ кормы лешѣшь?...

Не нужны, говоряшь, Пѣвцу дары Фортуны;
Онъ гражданинъ спраны какой-то не земной.
Но если Аполлонъ на лирѣ золошой

Имѣеть золощія спруны,

И нѣкогда Пѣвцамъ пакія жь раздавалъ:—

А злато, знаемъ мы, естъ дорогой мешалль,

Есть лучший даръ Фортуны;—

Къ тому же любипь онъ наружноспью блиспашь,

Великолѣпно одѣвапьяся,

Съ Парнасса на Олимпъ, на пиръ къ богамъ ле-
тапья,

Амврозіей и нектаромъ пишпапьяся:

Такъ можно ли опцу сыновъ не соблазипья

Такою роскошью, и нѣгой, и весельемъ?

И можно ль жизни имъ подобной не любипья?

Какъ имъ довольнымъ быпья однимъ сухоѣденьемъ,

Всему предпочипапья свой уголь чердака,

И грѣтья лишь воображеньямъ

Вокругъ пустаго камелька? . . .

Примѣръ сильнѣй всѣхъ мудрованій.

Какихъ ни прилагай спараній,

Роскошный чпюбъ богачъ умѣреннопья любипья,

Гордецъ безумный спалъ умнѣе,

Учпивѣе, добрѣй, скромнѣе;

Другъ Вакха презво бь, ппихо жипья;

Чпюбъ бѣдный не искалъ богатымъ быпья и знан-
нымъ;

Рой вѣпреныхъ головъ—плѣняпья собой другихъ,

И щеголяпья умомъ и вкусомъ непоняпнымъ;

Чтoбъ Авторы спиховъ дурныхъ
 И прозы вялой и несвязной,
 Отъ кисти опреклись бездушнoй, безобразнoй,—
 Чтoбъ вѣрили, что ихъ и проза и стихи,
 При всемъ ихъ слогъ кудреватомъ,
 При всемъ безсмысли замисловатомъ,
 Чипашелямъ *тошнѣй Дельяновой уха* . . .
 Бесплодно все, когда и щoпъ, кшо учипъ,
 Приспираспнымъ языкомъ все хвалишь и бра-
 нишь
 И самъ подъ часъ пѣжъ глупости пво-
 ришь!
 Онъ не исправипъ насъ, но только намъ наску-
 чипъ.

Но извините, Графъ, что я,
 О Аполлоновомъ богатствѣ говоря
 И скудоспи его дѣшей, забылся
 И отъ предмета удалился.
 Я лишъ хoпѣлъ сказатъ,
 Что нынѣшнихъ Пѣвцовъ не лзя и укорятъ
 Въ нескладномъ пѣснопѣннѣ.
 Ихъ покровитель добрый Геній,
 Безъ жара, силы и безъ крыль,
 Не бодрспвуетъ уже надъ ними;
 Опець ихъ, Аполлонъ, совсѣмъ объ нихъ за-
 былъ;
 Не только лирою съ спрунами золопыми,
 Не наградилъ цѣвницею простой.

Чтожь дѣлать имъ? пускай въ гудокъ играютъ
свой!

Но странной ихъ напѣвъ арписта оскорбляешь.

Кпожь слушаешь ихъ велишь?

Худаго автора читать кто принуждаетъ?

Или пѣвцу нельзя въ безвѣстности почитать?

А чтобъ пвореній ихъ полна рѣка забвенья

Не сдѣлала, берега распоргнувъ, наводненья —

Заранѣ преградить безумцу къ славѣ путь;

*Плохова автора съ Парнасскихъ горъ столк-
нуть! . . .*

Но право быть судьбою на Парнасѣ

Однимъ лишь Геніямъ дано;

А мнѣ не суждено

На гордомъ развѣзжать Пегасѣ,

Свѣшильникъ крипики всегда съ собой носишь

И имъ Парнасскихъ совъ и филиновъ слѣпишь.—

Люблю прекраснымъ наслаждаться,

Не замѣчая дурнопы;

Конечно мой легко вкусъ можешь ошибаешься,

Погрѣшности считаешь за красоты

И ими восхищаешься.

Я веселье — вопшь мое; что нужды до того,

Всѣ ль мнѣнія со мною одного,—

Всѣхъ веселишь, иль нѣшь, мое веселье.

Ахъ! сердцу доброму лязяль равнодушнымъ быть,

Когда во всемъ лишь будешь находить

Одни пороки, заблужденье,

А истины, красотъ — ни въ чемъ! . . .

— Но это крайности; а крайности опасны —

Вы скажете — во всемъ;

Средина — мудрыхъ пущь и вѣрный и прекрасный. —

И такъ позволите, Графъ, мнѣ при своемъ оспашься:

По своему прекраснымъ наслаждашься,

О прочемъ же молчашь.

Одно лишь Вашему Сіятельству сказать

Могу предъ всѣми откровенно:

Что ваши всѣ пворенія чиналь,

И съ подлинниками инья повѣряль —

И былъ доволенъ совершенно!

Вы рѣдкое искусство, Графъ, нашли

Переводить классическихкихъ Поэповъ;

Избравши лучшія изъ множесства предметовъ.

Не смѣю ваши я пворенія цѣнить:

Хоть нечуждается палантъ хвалы не лестной;

Но скромности онъ другъ, — а *ваша* всѣмъ извѣстна;

Легко хвалой ее могу я оскорбить.

Живому Автору (прекрасно ваше мнѣнье!)

Недолжно голою плѣняшься похвалой! —

Попомство скажешъ судъ объ немъ правдивой
свой!

И что, скажите, Графъ, орлу въ его паренъи

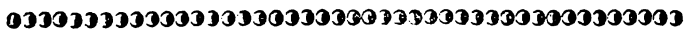
Къ небеснымъ высотамъ,

Въ долину комара жужжанье? . . .

Но какъ меня почтешъ угодно было вамъ

Знакомствомъ, лаской и Посланье
Такое видѣшь опъ меня,
Гдѣбъ искренность одна перомъ моимъ водила:
Я долгомъ счель приятнымъ для себя
Сказашъ, что Муза мнѣ нельспивая внушила!
И если некрасно — въ шомъ не моя вина;
Я то лишъ могъ писашъ, что миѣ она
Въ минушы крапкія бесѣды сообщила.—

Александръ Склабовскій.

II.

КЪ ПЛѢНИРѢ.

Не спану призывашь
Напрасно Музь и Грацій,
Не Пиндарь, не Горацій —
Не смѣю и мечпашь,
Чпобы красы небесны,
Склонясь на лирный звонъ,
Забыли Геликонъ
И въ домъ сошли мой пѣснй —
Со мной сплести вѣнецъ
Тебѣ, краса сердець;
Увы! еще безвѣспный
И юный я пѣвецъ! . . .
И спрахъ мой не напрасень! . . .
Чей ликъ — какъ солнце ясень,
Душа — какъ свѣплый день,

.
.
.

Улыбка на устахъ,
Румянецъ на щекахъ —
Съ самой Авророй въ спорѣ!
Небесный цвѣпъ въ очахъ
И молніи во взорѣ;

.

.
 Какъ спонкій медь — дыханье,
 Что вздохъ — благоуханье —
 Амуру фиміамъ!
 Ему и въ сердце храмъ
 И жертва слезъ во взорѣ.
 А умъ . . . бѣда и горе
 Лукавымъ всѣмъ умамъ! . . . —
 Возможно ль вдохновенья
 И ждашь опъ Музь, Харисъ,
 Воспѣшь подобный видъ
 Въ восторгахъ умиленья?
 Ахъ, дѣвы — какъ у насъ —
 И въ небесахъ ревнивы!
 Богини — молчаливы,
 Безъ слуха и безъ глазъ
 На прелести чужія.

Нѣшь, Музы молодья
 Съ недивною, простой,
 Застѣнчивой игрой,
 Божественнаго пѣнья
 Не согласяшь опнюдь. —
 Почпожь препенещь грудь
 Въ минушы упоенья,
 Въ крови шаишся жаръ:
 Тебя любишь и славишь,
 Когда вполне представишь
 Тебя, мой скудень дарь!
 Ахъ! мнѣ ль воспѣшь Плъниру?

Почто желаетъ ты
 Мою услышатъ лиру?
 Въ ней нѣтъ ни быспрошы,
 Ни силы, ни искусства;
 Одно въ замѣну: чувства. —
 Услышишь слабый спрой
 Не звучной лиры, скромной —
 (Древесной, не златой)
 Какъ будно подъ корой
 Спенанья Дафны помной;
 Какъ будно бы въ глуши
 Дубравной листьевъ шопощь;
 Какъ спруй бѣгущихъ ропощь;
 Какъ сумрака въ пиши
 Плесканіе Наяды;
 Какъ сиропы — Дріяды
 Послѣдній вздохъ души;
 Какъ шумъ опъ крыль зефира,
 Какъ препенеть двухъ сердець;
 Какъ робкій, наконецъ,
 Твой поцѣлуй, Плънира!

Н. Сушковъ.

II. К Р И Т И К А.

РАЗБОРЪ СТИХОТВОРЕНІЯ: *ТОСКА АРАБА* *ПО МИЛОЙ.*

Во второй книжкѣ *Невскаго Зрителя* (нынѣшняго года) напечатано стихотвореніе: *Тоска Араба по милой*, первый опытъ (какъ сказываютъ) молодого Поэта. Стихотвореніе сіе, по справедливости, можно назвать счастливою зарею отличныхъ дарованій Г. Росповцова. Возвышенный полетъ воображенія, тонкій умъ, непримѣнно сливающійся съ глубокимъ чувствомъ, истинное одушевленіе и рѣдкій даръ избирать счастливья положенія, все показываетъ, что Музы возлюбили его отъ колыбели. Блаженъ, кто подобно ему, на разсвѣтѣ жизни позналъ сладость удовольствій нравственныхъ, и кругъ дѣятельности своей, при первомъ шагѣ, ознаменовалъ за-

няшіями споль благородными. Пѣвцы всѣхъ вѣковъ и народовъ будущъ сопровождаютъ его по скользкой спезѣ жизни, и лирный звонъ ихъ не заглушитъ ли бурю непогодъ и мирскихъ превратностей? И на закашѣ дней, не ожидають ли сѣдовласаго Барда сладостныя воспоминанія о прошедшемъ?

Ежели ненапрасно поселянинъ опъ благовременнаго посѣва ожидаетъ обильной жатвы; то первой опытъ молодаго Поэта не предвѣщаетъ ли и намъ будущихъ блистательныхъ успѣховъ его на обзорѣ опечесивенной Липпературы?

Сіе стихотвореніе вылилось изъ сердца, конечно, чувствительнаго, образовалось подъ перомъ смѣлымъ, и творецъ его, не страшась, можетъ сказать: anch io sono pittore. Богатство Поэзіи, новые и смѣлые обороты, счастливыя уподобленія и сравненія, прелестный, исполненный жизни слогъ — вопшь чшо даетъ сей Элегіи неоспоримое право быть украшеніемъ всякаго періодическаго изданія.

Почтенные чипатели *Невскаго Зрителя* можешъ быть обратили должнаго ениманія на плодъ пера, доселѣ неизвѣснаго:

не рѣдко проходимъ мы равнодушно мимо карпины Клоделореня, и оспанавливаемся передъ шой, на копорую обращены взоры многихъ. Уединенный наблюдапель любуешя первую и поспояннымъ своимъ вниманіемъ мало по малу привлекаешъ къ ней и другихъ. Счастливъ, ежели я слабыми своими замѣчаніями склоню чипапеля хопя разъ еще раздѣлишь поску съ Арабомъ.

Приближавшіеся къ Дельфійскому храму восхищались надписью на врапахъ: „*Познай самого себя:*“ равнымъ образомъ и меня плѣняешъ самое названіе Элегіи;

Тоска Араба по милой.

Слово *тоска* здѣсь прекрасно: оно просто, сильно, краснорѣчиво и никакимъ другимъ замѣнено бышь не можешъ; поспавыше *горестъ, пегаль*, — и языкъ сердца исчезнешъ. — Спихопворецъ начинаешъ:

Свершилось! — нѣшь Зафны, нѣшь болѣе милой!

Угасни на вѣкъ для несчастнаго свѣшь,
Умчися конь вѣрный; нишь жизни поспылой
Порвися! нѣшь Зафны, души моей нѣшь!

И пошчасъ проводишь взоръ чипапеля во глубину сердца Араба. — У обыкновеннаго

Поэта надлежало бы напередъ пройти чрезъ длинный холодный приспупъ, и за будущее удовольствіе заплашишь скукою. — Слово *свершилось*, копорымъ открываешся стихотвореніе, въ полной мѣрѣ выражаешъ все опчаяніе несчастнаго Араба: ибо сильныя спраши нетерпящъ многорѣчія; а пропагательное обращеніе его къ коню, вѣрному другу, къ жизни, копорая для него съ упрашою драгоцѣннаго существа сдѣлалась уже шяжкой, начерпано кистію нѣжною. — Самый глаголь *порвися* (а не прервися) здѣсь очень у мѣста, ибо онъ показываешъ шу простоту и безыскусственность въ выраженіи, копорая должна бытъ непремѣннымъ удѣломъ Элегическихъ стихотвореній.

Сокрылись любви мечпанья игривы,
 Какъ упра шуманы, какъ сонъ пронеслись,
 И пылкаго сердца младые порывы,
Подъ тяжестью рока, въ душѣ улеглись.

Вѣрныя уподобленія, милые эпитеты, и несравненный послѣдній стихъ: *подъ тяжестью рока, въ душѣ улеглись*: — все показываешъ юный талантъ, покровишельствуемый самимъ Аполлономъ.

Безъ Зафны, какъ всадникъ безъ лука средъ
 бипвы,
 Брожу обипатель пуспынныхъ полей,
 Безмолвень средъ пиршествъ, уныль въ часъ
 ловипвы;
 Всѣ сердца мечтанья, всѣ радости въ ней!

Безприсраспіе должно замѣшишь, что
 стихи эти слабѣе первыхъ, да и сравненіе
 выражено темно.

Ничто отъ души не отгонитъ спраданій:
 Ни грозный звукъ брани, ни крикъ ликованій,
 „*Нито отъ души не отгонитъ спраданій,*“
 оборотъ, по моему мнѣнію, неудаченъ, а соеди-
 неніе однозвучныхъ, одноокончательныхъ
 словъ въ одномъ и томъ же стихѣ: *брани,*
ликованій, не совсѣмъ пріятно для слуха.
 И смертныхъ опрада — сіяніе дня,
 Не свѣтъ посылаешь, а грусть на меня!

Прекрасная мысль, показывающая наблю-
 дателя души человѣческой: въ самомъ дѣлѣ
 спраждущему съ самыми лучами солнечны-
 ми, ушѣшипельными для всякаго другаго,
 кажется льется только печаль съ неба.
 Гдѣ, гдѣ ты, другъ вѣрный, души упоенье,
 Гдѣ сердца дыканья, гдѣ радость очей?
 О Зафна!... я гасну!... брось взоръ — ушѣ-
 шенье,
 Дай слышать звукъ милый волшебныхъ речей! —

Позволь подышать наслажденіемъ прежнимъ,
 О Зафна! молю, не опвергни мой спонь....
 Позволь.... но глушимый волнь плескомъ при-
 брежнымъ,
 Лишь гулами дальними впорится онъ;

Вошь испинная поэзія! паковъ языкъ
 любви идеальной.—*Взоръ — утѣшенье*, счастп-
 ливое соединеніе двухъ понятій, одно дру-
 гимъ оживляемыхъ. Какъ у мѣспа эпо прер-
 ваніе: *Позволь, но елушимый волнь плес-*
комъ прибрежнымъ, лишь гулами дальни-
ми вторится онъ. Жаль, что прекрасные
 эпи стихи оканчиваются мѣспоименіемъ
онъ, приведеннымъ, вѣрояпно, для риѣмы;
 впрочемъ вообще односкладными словами сти-
 хи оканчиваются непріятно.

Лишь жадные вихри его (спонь) поглощаютъ.
 Свершилось.... свершилось.... такъ,—солнца
 лучи,

О Зафна драгая! пвой холмъ озлащаютъ....
 Ахъ! лейшеса слезы на перси мои!...

Все щещпно.... быль можешъ.... въ сей часъ
 безопрадный

Твой прахъ исплѣваешъ....и змій кровожад-
 ный

И, злая гіена.... эхидна.... о страхъ!

Пусть выщечешъ сердце въ горячихъ слезахъ!

Остановимся на эпихъ спихахъ: *жадные вихри*, оборотъ конечно смѣлый, но пѣщическій, которому глаголь *поглощать* придаетъ новую красоту и силу, ибо выдерживаетъ метафору. — *Свершилось, свершилось, такъ*—повтореніе слабое одной и той же мысли. — *Солнца луги, о Зафна драгая! твой холмъ озлащаютъ* Здѣсь любезный поэтъ воспользовался правомъ стихошворческой вольности: перемѣщая падежи и переноситъ мысль изъ одного спиха въ другой. *Ахъ лейтеса слезы на перси мои!* — прогашельно! Что же касается до бѣдности рѣзвы *луги, мои*, то я не останавливаю вниманія чипашеля на сей ничтожной погрѣшности: опыскивать столь маловажные недоспашки въ произведеніи, исполненномъ пѣщическихъ красотъ, значитъ приносить дань крипикѣ отрицательной.

Все тщетно. . . быть можетъ . . . въ сей часъ
безотрадный

Твой прахъ исплѣваетъ. . . и змій кровожадный,
И злая гѣна. . . . ехидна. . . . о страхъ!

Пусть выпечетъ сердце въ горячихъ слезахъ!
Чувства глубоки, выраженія сильны, языкъ живописень; но должно замѣпить, что существишельное *страхъ* не выражаетъ здѣсь по-

го, что стихотворецъ хотѣлъ сказать, ибо страхъ значить болѣе боязнь, нежели ужасъ или опчаяніе. Что же касается до горючихъ слезъ, то выраженіе сіе можетъ быть оправдано только однимъ закономъ употребленія; впрочемъ надобно желать, чтобы языкъ нашъ освобождался отъ подобныхъ выраженій.

Почто же, о Зафна! другъ, милую душу,
Своею душою немогъ изкупить?

Онъ вихремъ чрезъ волны и бранную сушу
Леталъ, но себя не успѣлъ упредить!—

Эти стихи довольно шемны.

Вы, волны морскія, въ кипѣннн яромъ

Почто не пожрали отважну ладью?

Что, грозныя копья, смертельнымъ ударомъ

Изъ плѣла не вырвали душу мою?

Вы, мѣлкія стрѣлы, зачѣмъ пролетали?

Что съ выи глава не снеслась булавой?

Что бурные кони, бойца не стоппали

Въ то время, какъ львами спремилн въ бой?

Здѣсь крипика нѣмѣешь, очарованіе застываетъ

мѣсто холоднаго разбора; молчу и только

плѣняюсь. — Живое, пламенное воображеніе

поэты достигло высочайшей степени

одушевленія, и каждая строка служитъ

вѣрнѣйшимъ оппечаткомъ психическаго огня

нашего юнаго питомца Музы. — Далѣе

Почпожь, Всемогущій, коль презрѣль мольбами,
 Ты бранный сославъ не разрушилъ громами,
 Иль знойнаго солнца палящимъ лучемъ
 Не высосаль сердца, сокрышаго въ немъ?

И эти стихи очень сильны, особливо послѣдній, но мѣспоименіе, вторично служащее окончаніемъ и шакъ далеко опспоящее опъ своего имени, нѣкопорымъ образомъ ослабляетъ силу выраженія.

О міра Владыка! въ могущей десницѣ
 Коль нѣпъ и громовъ къ прекращенію мукъ:
 Дай новый бѣгъ солнцамъ, пупъ новой денницѣ;
 Быспрѣй да свершаюшъ постылый мнѣ кругъ!
 Капитесь быспрѣе, дни жизни печальной;
 О время! часъ смерти скорѣй принеси;
 Скорѣе, скорѣе, мой гимнь погребальной,
 Окресные доли и степь огласи!—

Какой прелестный переходъ опъ опчаянія къ пихой скорби: онъ основанъ на природѣ сердца человеческого. Нашъ молодой поэтъ зналъ, что одно и поже упомляетъ; послѣ сильной грозы наступаетъ тишина; за бурными волненіями сердца слѣдуютъ минушы пихой горести, въ копорья несчастный, лишившись всего что полько могло привязывать его къ жизни, съ болѣзненнымъ духомъ молишь Вседержителя о скорѣйшемъ

прекращеніи дней, для него уже сягоспныхъ; я говорю, онъ это зналъ, и въ нѣсколькихъ прелестнѣйшихъ спрокахъ начерпалъ намъ полную карпину ушѣшительной задумчивости. Можно ли не плѣниться сею піипическою мыслію: *дай новый бѣеб солнца мб, путь новый денницѣ!* Повторяю снова, что спихопвореніе сіе исполнено Поэзіи.

Мы видѣли начало, любовались серединою, взглянемъ и на конецъ прелестной элегіи. Древніе говорили: *finis coronat opus*; посмотри, выдержалъ ли спихопворецъ сіе правило.

И Геніемъ смерпи душа оживленна,
 Распоргнувъ плѣнь тяжкій пѣлесныхъ оковъ,
 Грядущаго счастья мечшой окриленна,
 Спрѣлою — въ обипель почившихъ опцовъ!
 Тамъ съ милою Зафною счастливы вдвое,
 Воскресши душою, покину земное,
 Какъ пламень безъ пици, какъ упра роса,
 Покинувши землю, лепяпѣ въ небеса.

Похвалишь ли стихи здѣсь приведенные, или, переложя ихъ въ прозу, имъ произнесшь ли должный приговоръ? — Кажется, не нужно ни шо ни другое. — Чипапель конечно

самъ почувствуешь всю красоту ихъ, и вспомя, что это еще первый цвѣтокъ, положенный рукою юнаго шаланпа на алтарь Пьеридъ, не усомнишься принести ему должную дань справедливости; нѣжное сердце его насладится прогашельнымъ изображеніемъ сладостной надежды на скорый переходъ опъ жизни въ вѣчность, сей милой и любимой подруги—душъ чувствительныхъ и несчастныхъ; а пронцапельный взоръ его конечно не пропустишь безъ вниманія и прекраснаго елипса (выпущенія): *стрѣлоу — въ обитель погившихъ отцовъ.*

Тамъ съ милою Зафною счастливый вдвое,
 Воскресши душою, покину земное,
 Какъ пламень безъ пищи, какъ утра роса,
 Покинувши землю, лепятъ въ небеса.

Можешь ли конецъ спихотворенія сего быть еще смѣлѣе, красноречивѣе и богатѣе поэзіею? Крылапыя мечпы ожидаемаго счастья унесли несчастливца въ область очарованій, гдѣ онъ съ безцѣннымъ другомъ своимъ, уже по ту сторону гроба, надѣется насладиться полнымъ блаженствомъ. Не говорю уже одвухъ

послѣднихъ спрочахъ, гдѣ Поэзія подавши
руку Философіи и соединясь съ вѣрностью
и новостью уподобленія, соспавила нѣчто
необыкновенное, высокое, кошорое и даетъ
пищу уму и занимаетъ воображеніе и про-
гаешъ наше сердце.

И. Б. . . . ѡб.

III. С М Ъ С Ъ.

а) КРАТКІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ ОБЪ АРТИЛЛЕРІИ (*).

*La perfection des sciences est reservée à la succession
des temps.*

Virgin.

Изобрѣшеніе пороха должно почесться однимъ изъ важнѣйшихъ происшествій въ Исторіи Государствъ; ибо никакое опкрытіе не заслуживаетъ столь великаго вниманія, сколь Артиллерія: послуживъ преградою варварамъ въ опустошеніи земель, она имѣла вліяніе на самый духъ народовъ, преобразовала военное искусство, сдѣлала войны не столь продолжительными — слѣдственно и гибельными, и въ скоромъ времени рѣшая битвы и судьбу престоловъ, предоставляетъ Европейцамъ все преимущество предъ прочими народами.

Сіе важное опкрытіе приписываютъ различно: Индѣйцамъ и Кипайцамъ въ XII вѣкѣ. Вѣ-

(*) Извлечено изъ разныхъ сочиненій и журналовъ.

рояпно, что Аравитяне еще гораздо ранѣе употребляли порохъ; ибо восточные Историки XII столѣтія описываютъ его дѣйствіе и упоминаютъ, что Гренадскій Владѣтель въ 1312 году имѣлъ снарядъ огнеспрѣльный. — Въ Европѣ во времена крестовыхъ походовъ при *Людвигѣ IX*, въ 1294 году, Англичанинъ *Рожеръ Баконъ*, въ книгѣ своей *Nullitatae magia* говоритъ, въ оправданіе себя въ мнимомъ волшебствѣ, о подобномъ пороху составѣ для увеселительныхъ огней. И полагаютъ, что Бернгольдъ Шварцъ, около ста лѣтъ послѣ него жившій, не есть изобрѣтатель онаго, но что онъ только ввелъ его въ употребленіе у Венеціанъ, и первый посредствомъ пороха выспрѣлилъ пулю изъ желѣзнаго ствола. Многіе утверждаютъ, что Венеціане первые — въ войнѣ 1366 года, дѣйствовали огнеспрѣльнымъ оружіемъ противъ Генуезцевъ; и Германцы, доставивъ имъ пушки, научили ихъ стрѣлять изъ оныхъ. Но первоначальные успѣхи Артиллеріи до XV столѣтія были вообще медленны, и самые Рыцари пропавши онымъ; ибо ихъ искусство дѣйствовать бѣлымъ оружіемъ дѣлалось ничтожнымъ предъ силою пороха. *Кассирій* по запискамъ *Альфонса XI* приписываетъ Маврамъ, въ началѣ XIV вѣка, первоначальное употребленіе огнеспрѣльнаго оружія противъ Испанцевъ при осадахъ Аликанта и Алгезираса; а въ 1346 году Англи-

чане въ сраженіи при Креси, имѣли при пушки. Во Франціи кажется первыя орудія сдѣлались извѣстными въ 1330 году при *Филиппѣ Валоа*, и назывались *canons, bombardes et coulevrines*. Къ сему времени должно приписать самыя начальныя извѣстія объ Артиллеріи: но первые опыты въ дѣланіи металическихъ орудій были весьма несовершенны какъ въ разсужденіи самаго ихъ вида, такъ и способа соспавленія и дѣйствія оными; и Испорія научаешь насъ, что съ 1330 года до 1450, пушки, бомбарды и кулеврины были легкія ручныя орудія, кои при *Людвикѣ XI* назывались *ручными пушками (canons de main)*, вѣсили отъ 20 до 50 фунтовъ, и стрѣляли свинцовыми пулями. Онѣ дѣйствовали на малыхъ подвижныхъ лафетахъ, а самыя легчайшія употреблялись на козлахъ или желѣзныхъ вилахъ, въ землю вопкнурыхъ.

Около 1411 года великое множество пушекъ и кулевриновъ находились въ войскахъ, изъ коихъ до 300 бомбардовъ или пушекъ употребляли при осадѣ крѣпости, и отъ двухъ до четырёхъ тысячъ кулевриновъ въ полевыхъ сраженіяхъ. Швейцарцы въ Морапскомъ сраженіи изъ 10.000 тысячъ кулевриновъ стрѣляли по непріятелю; и сіи орудія нисколько не сходствовали съ пѣми, кои въ послѣдствіи времени были изобрѣшены, но соспавляли родъ большихъ му-

шкешовъ или ружей. Между тѣмъ въ Италіи, для дѣйствія въ полевыхъ сраженіяхъ, изобрѣнены были пистолепы еще въ 1364 году въ городѣ Перужіѣ, а въ 1378, какъ въ сей спра-нѣ такъ и въ Германіи, фишиль былъ введенъ въ употребленіе.

Дѣйствіе малой Артиллеріи подало мысль къ изобрѣщенію большихъ пушекъ и бомбардъ, кои въ 1420 году были сдѣланы для осажденія и защищенія городовъ, изъ коихъ подобныя имъ орудія уже употреблялись въ 1338 году еще при *Карлѣ VI*. Сии орудія были весьма коротки, и сославляли родъ морпирь; изъ нихъ стрѣляли камнями. Съ сего времени до 1450 года, пушки не вѣсили болѣе 120 фуншовъ, а съ 1400 года чугунныя ядра замѣнили каменныея.

Судя по войнѣ *Карла VIII* въ Италіи, мы видимъ, что у Французовъ и Венеціанъ Артиллерія была легка и удобно могла слѣдовать за движеніями войска: ибо при трудномъ опспу-леніи его при Понпримоли, 200 Швейцарцевъ взялись переправить его артиллерію чрезъ горы. Сего же года Венеціанская батарея, въ сраженіи Таро близъ Пармы, была сбита Французскою. Вообще приписываютъ *Карлу VIII* въ 1490 году облегченіе полевыхъ орудій, и достойно примѣчанія еще и то, что въ 1445 го-

ду было употреблено загвозденіе или заколачиваніе орудій.

Въ сіе время пушки дѣлались большею частію изъ желѣзныхъ прутьевъ, по длинѣ орудія окованныхъ желѣзными обручами: почему и назывались *кованными*. Изъ оныхъ стрѣляли каменными ядрами огромной величины, и для сего должны были бытъ большаго калибра. Подобно симъ древнимъ орудіямъ, хранился въ Мальпійскомъ арсеналѣ пушка соспавленная изъ желѣзныхъ полосевъ, окованныхъ кольцами, и ушвержденныхъ въ деревянномъ фушлярѣ, обтянутомъ весьма полстою и крѣпкою кожею, споль искусно выкрашенной, что съ виду оная совершенно походитъ на мѣдную. Во Франціи были свершныя пушки, кои заряжались сзади опъ шорели. Къ сему времени, т. е. начиная съ 1500 года, должно приписать изобрѣшеніе органичныхъ огнестрѣльныхъ орудій или батарей, состоящихъ изъ многихъ вмѣстѣ сложенныхъ ружейныхъ дулъ, зажигаемыхъ вдругъ помощію пороховаго провода. Въ послѣдствіи сіи легкія оружія были болѣе усовершенствованы, и въ 1517 году изобрѣнены въ Нюрнбергѣ для ружей и пистолетовъ Нѣмецкіе замки: а въ 1521 году введены въ войскахъ мушкеты.

Непрочность Артиллерійскихъ орудій, не позволяя употребить большіе заряды, была

причиною въ слабомъ дѣйствіи Арпиллеріи, а сіе способствовало новымъ открытіямъ; ибо начали для сего опливать чугуныя орудія, въ коихъ вѣсъ и калиберъ постепенно увеличилися. Но по непрочности чугуна, опливыя орудія были весьма полсны въ спѣнахъ, тяжелы, и, будучи подвержены ржавчинѣ, отъ вліянія воздуха и отъ дѣйствія пороха, скоро испреблялись; надлежало ихъ улучшить, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исправить другіе въ нихъ пороки, и первое преобразование состояло въ перемѣнѣ канала орудія, копорый прежде сего будучи сдѣланъ коническимъ, былъ совершенно неудобенъ для дѣйствія зажженнаго пороха всей силою на ядро, и для доспавленія ему надлежащаго поля. И пошому при *Людовикѣ XI* въ 1470 году, послѣ чугуныхъ орудій, начали опливать мѣдныя, и преобразовали какъ наружный такъ и внутренній ихъ видъ; каналъ дѣлали цилиндрической, по крайней мѣрѣ въ той часпи, кошорую пробѣгаетъ ядро; а для липья пушекъ составили изъ красной и зеленой мѣди, шпіаупера и олова *артиллерійскій металлъ* или бронзу, копорая нынѣ состоипъ изъ одного смѣшенія красной мѣди съ оловомъ, и употребляется во всей Европѣ для полевой Арпиллеріи.

Въ 1470 году была оплива въ Турѣ огромная пушка наподобіе нашей морпиры, изъ коей спрѣляли ядрами въ 500 фуншовъ вѣсомъ,

и по преданіямъ утверждающъ, что полеть проспирался отъ Баспилиі до Шаранпона (на нѣсколько миль). Самое длинное орудіе во Франціи было вылипо — кулеврина, въ Нанси 1598 года, и хопя она имѣла 22 фуша длины, но ядра лепѣли не далѣе какъ изъ обыкновенныхъ орудій. При *Людвикѣ XII* и *Францискѣ I* тяжелая осадная Арпиллерія спрѣляла ядрами въ 50 фуншовъ, и уже въ 1450 году она раздѣлялась на осадную, крѣпостную и полевую.

Со времянь *Людвика XI* до *Генриха II*, ш. е. отъ 1450 до 1550 года, Арпиллерія была многочисленна, и начинала имѣть большое вліяніе на военныя дѣйствія: но возникшія междоусобныя войны воспрепятствовали всѣмъ ея успѣхамъ, и, подобно другимъ искусствамъ, она не только что не усовершенствовалась, но сдѣлалась ничпожною на войнѣ. Въ сраженіи при Иври находилось чепыре орудій въ союзномъ войскѣ, и шесть въ Королевскомъ. Напропивъ того Венеціане въ сіе время систематически ею занимались, и въ 1526 году учредили первую Арпиллерійскую школу. *Брингоччио* въ 1540 научилъ искусству дѣлать потѣшныя огни, и издалъ первое печатное сочиненіе о лишѣ пушекъ и соспавленіи пороха. Въ Англіи при *Елисаветѣ* заведены были лишейные и пороховые заводы; а въ Нюренбергѣ *Гартманъ* изобрѣлъ калиберный размѣръ, копорый съ сего времени

былъ принятъ для измѣренія Артиллерійскихъ орудій по Нюренбергскому вѣсу; но нынѣ во всѣхъ Государствахъ, выключая Россіи, мѣра сія оставлена, и величина орудій и снарядовъ опредѣляется по собственному вѣсу каждой земли: почему нѣкоторые Артиллеристы утверждаютъ необходимость ввести сіе въ употребленіе и въ отечествѣ нашемъ.

Между тѣмъ какъ Артиллерія въ половинѣ XVI столѣтія болѣе улучшалась новыми открытіями; во Франціи она до времени *Генриха IV* (1590), такъ какъ и Инженерное искусство, находилась еще во младенчествѣ. *Сюлли*, получивъ главное начальство надъ Артиллеріею, обратилъ все свое вниманіе на сію важную отрасль военнаго дѣла, и умноживъ и преобразовавъ ея, онъ сдѣлалъ Артиллерію сильнѣйшимъ орудіемъ для покоренія крѣпостей, коихъ усовершенствованіе предоставлено было знаменитому въ оное время Инженеру *Ерарду де Барлеюку*.

Въ сіе время пушки, лафеты и разныя принадлежности получили лучшую соразмѣрность, изъ коихъ послѣднія въ 1544 году *Францель Попендорфоль* наиболѣе были улучшены для полевыхъ орудій; и въ семь году сдѣлано первое употребленіе конной Артиллеріи въ сраженіи при Серизоллѣ, и Герцогъ *Альба* ввелъ во всей пѣхотѣ мушкеты, а въ конницѣ карабины. Но

вообще всѣ сіи оружія далеки были опть совершенства новѣйшихъ, и Аршиллерія во всей Европѣ была обыкновенно неудобна и малочисленна; сему служилъ доказательствомъ осада Камбре, при коей Испанцы имѣли тогда, къ удивленію всѣхъ, 70 большихъ и малыхъ пушекъ. Достойно еще замѣчанія, что Гюгенопы въ 1574 году къ новымъ открытіямъ прибавили изобрѣшеніе петардъ, кои употреблялись для разбитія ворогъ, поврежденія мостовъ, прерванія цѣпей и пр. и привѣшивались къ шѣмъ предметамъ, кои надлежало разрушить; но сіи орудія вылитыя изъ мѣди, наподобіе усѣченного конуса, съ мадрильною доскою, при усовершенствованіи искусства укрѣпленія, болѣе не употреблялись и *Бусмаръ* доказываетъ, что мѣшекъ съ порохомъ произведеть равное съ ними дѣйствіе.

Изобрѣшеніе морширъ полагають около 200 лѣтъ послѣ пушекъ, кои въ началѣ служили, какъ многіе думаютъ, для бросанія свѣплыхъ ядеръ и камней, что послужило началомъ къ открытію бомбъ и прочихъ Аршиллерійскихъ снарядовъ, но большею частію употребленіе бомбъ и морширъ приписываютъ *Малатесту*, *Римникскому Князю*, также *Валтерію* (1472) въ Базелѣ, и Ванло (1508) въ Брабантѣ. Турки противъ Родоса (1522), Французы при Бордо (1542) и въ Гельдріи при Вахпейдокѣ (1588) съ

пользою ими дѣйствовали, и въ 1524 году введены въ употребленіе ручныя гранаты. Морширы бывали прехъ родовъ: висячія и сидячія или съ поддономъ, изъ коихъ послѣднія доннѣ употребительны. Въ запискахъ *Сень-Рели* упоминается объ опытахъ дѣланныхъ надъ морширою липейщика *Петри*, называемою *насъдкою*, изъ коей вдругъ мешали бомбу и нѣсколько гранатъ: но по бесполезности вскорѣ сіе изобрѣтеніе во Франціи было оставлено, хопя союзныя войска симъ воспользовались и спрѣляли при осадѣ Лилля (1708) и при оборонѣ Бушена (1712). Изъ новѣйшихъ изобрѣтеній: Гомеръ, Инспекторъ Французской Аршиллеріи (1785), предложилъ лучшія морширы съ конической каморою, служащею продолженіемъ кошла, опъ чего бомбы лучше укладываются, не оставяющъ зазора, сберегаются порохъ и спанокъ, и точность выспрѣла сопряжена съ дальностію полета бомбъ. Впрочемъ сіе нѣкоторыя приписывавающъ *Петри*.

(Продолженіе впрѣдъ).

гая и переменная; пройдя все озеро в длину, приплыли къ часовнѣ *Вильгельма Теля*, поспрошенной на самомъ помѣ мѣстѣ, гдѣ Геслеръ угрожаемый гибелью, во время возставшей бури велѣлъ снять оковы съ Теля и посадить его на корму. Здѣсь-то пристали къ намъ два Француза, о которыхъ я упомянулъ выше; оба Ульпра — Роялисты, молодые люди весьма пріятнаго обращенія, съ которыми мы весело провели время, слушая ихъ споры и оспоря слова. Въ 6 часовъ вечера вышли мы на берегъ, и пошли къ Алпорфу, отстоящему на полмили отъ озера. Не доѣзжая до берега, гребцы указывали намъ въ отдаленіи гору, бѣлизною и наружнымъ видомъ подобную сахарной головѣ, возвышающуюся надъ всѣми окружавшими ее горами. Они сказали намъ, что она есть самое большое возвышеніе Сень-Гопарда. Переночевавъ въ Алпорфѣ, отправились мы въ путь поутру въ 7 часовъ при самой дурной погодѣ, и прибыли въ Амшпетъ, находящійся у подошвы Сень-Гопарда. Въ семь мѣстѣ мы, оставивъ повозки, наняли верховыхъ лошадей. Дорога очень негладкая идетъ по узкой ущелинѣ, между огромныхъ утесовъ; по срединѣ протекаетъ нечислѣнный ручей Рейсъ, съ великимъ шумомъ. Я спокойно ѣхалъ такимъ образомъ чрезъ Альпійскія горы потому же самому пути, по которому Князь Суворовъ вышелъ обратно съ

своими войсками. Дорога, поспешенно возвышающаяся вдоль Рейса, въ нѣкопрыхъ мѣстахъ образуешь водопады, копрыхъ шумъ слышанъ въ далекомъ разстояніи. Попомъ надобно въѣзжать на крупизны. Дождь не переставаль и промочиль насъ насквозь. Около прешьяго часа приѣхали мы въ гостинницу Возенскую, стоящую на такомъ возвышеніи, на коемъ дождь превращается въ снѣгъ и производить большой холодъ. Въ ней нашли мы Австрійскихъ Офицеровъ, отправляющихся къ Ипаліанской арміи, сидящихъ пропивъ огня, пылающаго въ каминѣ. Чемъ выше поднимались въ гору, тѣмъ дорога спановилась шруднѣе и неровнѣе, долина и утесы отвѣснѣе. Рейсъ при испокѣ своемъ превращается въ быспрый немѣющій дна и береговъ попокъ, съ ужаснымъ шумомъ спремѣющійся подъ нашими ногами. На пупи семь переѣхали чрезъ два довольно плохіе моспа, между тѣмъ какъ снѣгъ падалъ большими охлопками, и наконецъ около 6 часа увидѣли знаменипый *Чортовъ мостъ*, копорый показался намъ не сполько чертовскимъ, какимъ вездѣ славится. Напропивъ пого онъ изъ всѣхъ здѣсь находящихя самой надежной. По словамъ всѣхъ жипелей, помнящихъ переходъ Суворова, не сей мостъ, но ипри другіе моспа, чрезъ копорые переходили войска по связаннымъ шарфами бревнамъ, были непріяшелемъ испребле-

ны. Чортвовъ мостъ переходить можно споль же безопасно, какъ и Исакіевской (что у насъ на Н-вѣ) но вѣнерь въ семь мѣспѣ иногда бываетъ споль силенъ, что сбрасываетъ черезъ перила всадника и съ лошадыю. Я переѣхавъ мостъ верхомъ, взобрался на слѣдующую за нимъ крупизну; а пѣварици мои спѣшились; но признаюсь, что опъ сильнаго вѣпра я едва могъ удержаться въ сѣдлѣ, при помъ же и глаза мои заслѣвлены были снѣжными крупинками. Наконецъ проѣхали мы сквозъ пещеры, называемыя Урзенскимъ проходомъ: дорога въ семь мѣспѣ идетъ сквозъ самую гору, такъ что нѣкоторое время находились мы въ шемношѣ, а когда опшуда выѣхали, предспавилась нашему взору небозримая Урзенская долина, окруженная утесами. Хотя было не позже 16 Сентября, но земля покрылась уже снѣгомъ, какъ у насъ въ Россіи въ началѣ Ноября. На камняхъ блиспали ледяные кристалы; дождь, мочившій насъ въ первой половинѣ нашего путешествія, превратился въ ледъ и украсилъ ледяными сосульками наши шляпы. Ноги у насъ онѣмѣли опъ спужи; и мнѣ казалось, что я волшебною рукою перенесень въ мое отечество. — Кпо повѣришь, что сіи ужасныя мѣспта имѣють жипелей, и также населены какъ самыя цвѣпущія равнины Швейцаріи. Андершпашскій пригородокъ, въ кошоромъ останови-

лись мы ночевать, естъ не на шупику городокъ весьма красивый, имѣющій ошь 1500 до 2000 жипелей; по всей долинѣ разсѣяны прекрасныя деревушки. Спранно видѣшь людей поселившихся въ пуспыняхъ, покрытыхъ, снѣгомъ большую часть года, и такихъ пуспыняхъ, ошь коихъ Ипалія ошспоить только на нѣсколько верспь. Со всемъ тѣмъ жипели Урзенской долины кажупся безбѣдными и довольными своимъ состоянiемъ, и многіе изъ нихъ не выходили изъ своей родины, пользовавшись благораспореннымъ климатомъ. Здѣсь я узналъ по опыту, что мы изъ всѣхъ народовъ менѣе другихъ умѣемъ переносить спужу. Въ Дрезденѣ я удивлялся Нѣмцамъ, копорые спятъ зимою, разкрывая на ночь окна. Во Франціи разводяшь огонь въ каминахъ только для чужеземныхъ путешественниковъ; а здѣсь въ Андерштаптѣ, въ долинѣ Урзенской, гдѣ мнѣ кажется холоднѣе, нежели въ Песербургѣ, нигдѣ не видалъ я порядочной печи, нигдѣ окна не зашворялись плотино. Дрожая ошь мороза, приѣхали мы въ шракпиръ, гдѣ покой были холодны какъ погреба, и хозяинъ удивился, когда мы велѣли развести въ каминѣ большой огонь. Вымывши ноги киршвассеромъ, сѣли мы за столъ четверо: я, сошпешественникъ и прiятель мой и два Француза. Мнѣ казалось забавнымъ вмѣшнѣ съ З, съ копорымъ я такъ часто ужиналъ въ Санкшпешер-

бургѣ, ужинашь въ горахъ Сень-Гопарда. Мы протговорили весь вечеръ о спранности нашихъ приключеній, о старинѣ и о первыхъ лѣпахъ нашего знакомства. Французы забавляли насъ своею веселостію, и мы много смѣялись. Пуществіе слѣдующаго дня было для насъ самое пруднѣйшее; надлежало перебираться черезъ переходъ Сень-Гопарда, на 5 миль опсто-ящій опъ Андерштапа. Мы встали на разсвѣ-пѣ, взяли съ собой прехъ дюжихъ проводниковъ съ лопатками, для разчищенія намъ дороги, гдѣ нужда попребуешь, и опправились въ пущь въ половинѣ седьмага часа. Часу въ девяпомъ при-были мы въ деревню Лопипаль, похожую на го-родокъ, въ которой жипелей считается до 1000 душъ, но климашъ еще суровѣе, нежели въ Андерштапѣ. Здѣсь царспивовала совершенная зима, и вѣпръ былъ такъ жестокъ, что мы ед-ва ли могли бы продолжашъ пущь, если бы онъ дулъ намъ встрѣчу. Тущь дорога становишся хуже и идетъ вдоль узкаго ущелія между уше-сами. Проводники наши шли впереди, разчи-щая оную; но лошади наши, не смотря на сіе, проваливались по брюхо въ снѣгъ, особливо ло-шакъ, шедшій впереди съ грузомъ, со всѣмъ въ снѣгъ обрушился, и такъ не ловко изъ онаго вы-карабкивался, что мы много смѣялись. Всего бо-лѣе затруднял насъ вихрь, который на сей высо-пѣ становился совершенною вьюгою; онъ со-

провожаемъ былъ сильнымъ морозомъ и клубилъ снѣгъ по воздуху. Черезъ пять или шесть часовъ такового пупешествія прибыли мы въ гостинницу (Hospice). Прежде былъ на семь мѣстѣ монастырь, обитаемый опшельниками, которые ходили съ собаками опыскивать сбившихся съ пупи пупешественниковъ; но онъ былъ разорень Французами во время революціонной войны, и теперь остались однѣ только его стѣны, однакожь уцѣлело нѣсколько комнатъ; два человѣка живутъ въ семь ужасномъ уединеніи, для принятія и успокоенія пупешественниковъ. Мы достигли величайшей высоты сего пупи, и опъ разжиженнаго воздуха небо казалось намъ сѣрымъ и почти чернымъ, а солнце померкшимъ и неимѣющимъ никакого блеска. Гостинница стоить среди небольшой долины, на берегу озера или пруда, который бываетъ покрытъ льдомъ цѣлыя три четверти года, и окружена каменными утесами, ограничивающими со всѣхъ сторонъ зрѣніе. Въ семь-то мѣстѣ обитають большую часть года два упомянутые сострадальца, а прежде жили монахи, посвятившіе себя на службу человечеству, которыхъ тщешно старались описать дурными красками ненавистники пчпеннаго сего званія. Обогрѣвшись и восстановивъ свои силы въ гостинницѣ, продолжали мы нашъ пупъ, начали спускаться съ Сень-

Готарда по большой крутизнѣ Чѣмъ ниже мы сходили, тѣмъ болѣе удалялись спѣ службы и снѣговъ; и вскорѣ спутили на Трем-лескую долину, копорая составляетъ самое опасное мѣсто сего прохода, особливо весною, когда таетъ снѣгъ. Тогда-по проводники совѣщаютъ путешественникамъ хранить глубокое молчаніе, и даже опвязываютъ у лошаковъ гремячки, ибо малѣйшій шумъ и малѣйшее сопрясеніе въ воздухѣ могутъ причинить паденіе огромныхъ глыбъ снѣга, находящихся надъ головами. Въ послѣдніе два года погибло отъ снѣжныхъ валуновъ болѣе 300 человекъ. Но въ то время (осенью), въ которое мы тамъ были, не наступало ни малѣйшей опасности. Около трехъ часовъ прибыли мы въ Айроно, первое мѣстечко Италіанской Швейцаріи. Здѣсь снѣгъ исчезаетъ, и появляется взорамъ зелень и прозябеніе. Послѣ обѣда прибыли мы въ Алдацио, и находились въ Тессинскомъ кантонѣ, гдѣ повсюду слышали Италіанской языкъ.

Оставивъ верховыхъ лошадей, наняли мы кареты, чтобы ѣхать въ Беллинзону. Входъ въ долину Ливинскую и смѣлая дуга Тессинскаго моста представляютъ великолѣпнѣйшее зрѣлище. По мѣрѣ приближенія нашего къ Италіи, воздухъ становится неизъяснимо благораспореннѣе, когда миновали мы (Ф . . . , при заходѣніи солнца взошла луна и освѣпила преле-

спнѣйшую долину. Прошедъ Джорнико, сельскіе виды представляются во всей своей красотѣ. Тессина печепь подлѣ самой дороги, между пѣмь какъ пысячи водопадовъ спремѣются въ нее съ горъ, окружающихъ долину. Наипаче обворожило насъ то что мы какъ магическою силою перенесены были въ такую теплоту, каковая бываетъ среди лѣта, послѣ того какъ за нѣсколько часовъ ощущали всѣ жестокости зимы. Ни что не могло сравниться съ красотой сей ночи; никогда, кажется, луна не имѣла столь прелестнаго блеска; множество соловьевъ оглашали горы своимъ пѣніемъ, долина благоухала ароматомъ розъ и другихъ дикораспуцихъ цвѣтовъ. Около полуночи пріѣхали мы въ *Поладжіо*, и неоспанавливаясь въ семь мѣстѣ, въ два часа по полуночи въ самую хорошую погоду достигли до Беллинзоны. Дорога идущая изъ Алдажіо была опдѣлана для карешной ѣзды; а шеперь спараются сдѣлашь столь же удобнымъ весь путь чрезъ Сень-Госардъ. —

(Окончаніе будетъ.)

в) РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Мая 27 дня играна на Маломъ театрѣ: *Отелло или Венеціанской Мавръ*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Достоинство этой трагедіи давно уже опредѣлено безпристрастіемъ и разборчивымъ вкусомъ опечесивенныхъ либераторовъ, слѣдственно распространяясь въ похвалѣ или осужденіи ея почитаю излишнимъ; скажу только свое мнѣніе объ игрѣ актеровъ. Въ изящныхъ художествахъ истинный талантъ артиста примѣченъ бытъ можетъ скоро: одна прекрасная черта въ живописи, одна піитическая мысль въ ваяніи или прелестный стихъ въ поэзи показываютъ просвѣщенному любителю Наукъ дарованіе юнаго сына Минервы. То же самое можно сказать и о драматическомъ искусствѣ; талантъ актера видѣнъ изъ нѣсколькихъ представлений; правда, голосъ предчувствія бываетъ иногда обманчивъ, — молодой актеръ, оглушенный рукоплесканіемъ, вмѣсто постепеннаго усовершенствованія себя на семь прудномъ поприщѣ, останавливается на первомъ шагѣ и довольствуется похвалою безгра-

мопныхъ цѣнишелей надзвѣдной театральнѣй обипели. споль щедрыхъ на вызовы, однако же сіе не мѣшаетъ знашоку театра, сображаясь съ первыми опытами артиста, судишь съ нѣкоторою справедливостію и о послѣдующихъ.— Г. Максимъ въ перьыхъ дебютахъ обрадовалъ своимъ дрованіемъ просвѣщенныхъ любителей ошечественнаго театра; они надѣялись видѣть въ немъ со временемъ хорошаго актера, но игра его до сихъ поръ ни мало неперемѣняется и примѣпно начинаешь выводить зрителей изъ той пріятной, обольстительной надежды, въ которой находились они долго, ожидая ошъ молодаго актера поспешенной усовершенности. Роль Ошеллы, недавно имъ игранная, конечно пребывала ошъ него и правильнѣйшаго чпенія и несравненно лучшихъ плѣдвигнй и живѣйшей мимики, не говоря уже о непомѣрномъ крикѣ (порокѣ общемъ нынѣшнихъ трагическихъ актеровъ.) Чшо же касается до Г-жи Колосовой м., игравшей роль Едельмоны, то можно сказать съ удовольствіемъ, чшо она единспвенно поддержиываетъ осиротѣлую Мельпомѣну нашу прекрасною игрою своею. Истинные знапоки и любители театра сожалѣютъ много о потерѣ Яковлева и Семеновѣ б.; ушраша перваго до сихъ поръ еще незнаградима; ушрашу послѣдней, Г-жа Колосова м. умѣла нѣкоторымъ образомъ сдѣлать для насъ не споль чувствительною.

Г. Борецкій игралъ отца Едельмоны съ довольною живостию. Г. Каменогорскій представлялъ искусно коварнаго друга, впрочемъ не въ эпическихъ роляхъ можно видѣть искусство его. Оспаривая упоминуть о Г. Щениковѣ; пожалѣемъ объ немъ, ибо память его на этотъ разъ была слишкомъ слаба.

Деять дней женитьбы, Оперы, заключающая спектакль, не заслуживаетъ вниманія ни собственно своимъ достоинствомъ, ни игрою актеровъ. Гг. Шамаевъ, Ефремовъ, Лукьяновъ, сии можно сказать ученики актеровъ, играли посредственно. Г-жа Иванова пѣла довольно пріятно.

Б.

г) ОБЪ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРАХЪ.

Лондонскіе театры: Друриленскій и Ковенгарденскій отличаются отъ прочихъ, какъ пространствомъ сцены и богатыми украшеніями. Четыре ряда ложъ поддерживаются богато-вызолоченной колоннадой; передъ каждой изъ нихъ повѣшена бронзовая люстра съ пятнадцатью газовыми лампами. — Боковыя ложи украшены золотыми решепками, галереи богатыми перилами. — Спѣны зала свѣтло-голубаго цвѣта украшены миеологи-

ческими фигурами. По окончаніи предспавленія всѣ ложи завѣшиваются отъ пыли сукномъ. Величайшая числота наблюдается также и на сценѣ: между актами выходятъ на сцену служители и выметають спарашельно полъ передь оркестромъ. Цѣна за одну ложу въ продолженіи зимы стоить 200 гиней.

Ковентгарденскій театръ вмѣщаетъ въ себѣ 3015 человекъ, именно: 1200 въ ложахъ, 632 въ партерѣ, 822 въ первой галлерей и 361 во второй. —

Друриленскій театръ вмѣщаетъ 3948 человекъ: 1960 въ ложахъ, 930 въ партерѣ, 632 въ первой галлерей и 426 во второй. — Спусти 2 часа по началіи пьесы, за входъ плапшется половина.

Въ большой оперѣ (Kings Theatre) могутъ помѣщаться только 2500 человекъ: 900 въ ложахъ, 800 въ партерѣ и 800 въ галлерейхъ. — Прочіе Лондонскіе театры, въ сравненіи съ сими, довольно малы; они посѣщаются большею частію низкимъ классомъ народа. —

Большую потерю обоимъ театрамъ причинилъ неподражаемый актеръ Matthews, (второй Гаррикъ въ комическихъ роляхъ). Онъ уже два года играетъ одинъ на собственномъ маленькомъ театрѣ, отличаясь неподражаемою оригинальностію, измѣненіемъ лица и голоса, выговоромъ различныхъ нарѣчій и

чревовѣщательнымъ искусствомъ. Наболѣе нравится публикѣ его повѣствованіе о путешествіи въ Парижъ. (a trip to Paris.)

д) ИНОСТРАННАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Польская: На поприщѣ Польской Литтературы замѣтимъ мы вышедшее недавно собраніе драматическихъ стихотвореній Богуславскаго (Dziela Dramatyczne Boguslawskiego), 15 томовъ, съ гравюрами и портретомъ. — Это изданіе почитается наилучшимъ въ Польшѣ. Три тома онаго уже вышли, прочіе появляющіяся въ печеніи трехъ мѣсяцевъ. — Имя сего писателя весьма уважается въ Польской Словесности; онъ оказалъ большія услуги оной. Богуславскій былъ Директоромъ и основателемъ Польскаго театра; піэсы его почитались лучшими изъ играемыхъ на ономъ театрѣ. Достоинство ихъ состоить въ оригинальности и точности изображенія характеровъ. — Нѣкоторыя піэсы его переведены съ языковъ Французскаго, Испаліянскаго, Англійскаго и Нѣмецкаго. — Пилигримъ въ Добромиль: — такъ называется книга сочиненная Книжницею Изабеллою Черпорижской, назначенная для нравственнаго наставленія Польскихъ земледѣльцовъ. Слогъ ее простъ, внятенъ и имѣетъ въ себѣ довольно плавности. —

Италіянская: L'Ulade, Поэма въ 12 пѣсняхъ, соч. Кавалера Анжело Марія Риччи. — Публика съ неперпѣнѣемъ ожидала появленія въ свѣтъ сей поэмы; но она не нашла въ ней того, чего обѣщало ее пышное названіе. Планъ сего пворенія для Италіянцевъ не понравился, ибо стихопворецъ воспѣваетъ подвиги Карла Великаго въ Италіи, — при томъ неумѣспные эпизоды, худая версификація, невѣрныя изображенія причинили совершенный упадокъ оной Поэмы на поприщѣ Италіянской Литпературы.

Англійская: Трагедія знаменитаго Лорда Бейрона, Marino Faliero, какъ стихопвореніе, заслужило опличную похвалу Англійской публики. Лордъ Бейронъ трудился надъ ней чепыре года; хотя она неможетъ спорить въ достоинствѣ съ Монфредомъ, но имѣетъ много превосходныхъ сценъ и почитается въ числѣ лучшихъ пвореній Поэта. Знапоки и любители Англійской литпературы должны сами читать и судить объ оной трагедіи; ибо они ничего не узнаютъ изъ литпературныхъ Англійскихъ газетъ, которыя пишутъ въ духѣ двухъ противныхъ парсій. Въ Literary Gazette нашель эпошь Писатель злѣйшаго врага своимъ пвореніямъ; но всѣ пасквили и приспираспныя кришки не дѣлають вреда Лорду Бейрону. Гений Поэта далеко превосходитъ его погрѣшности.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ,

О ВЪДНОЙ ВДОВЪ.

Трогущій бѣдственнымъ положеніемъ удрученной болѣзнями и бѣдностію вдовы, которая оставшись съ пятнадцати-лѣтнею дочерью, едва получаетъ и насущный хлѣбъ трудами сей послѣдней, просиживающей за оными часто день и ночь, я почелъ долгомъ моимъ просить васъ помѣстить письмо сіе въ издаваемомъ вами Зритель, съ тѣмъ, чпобъ довести сіе до свѣдѣнія всегда благородныхъ и благодѣтельныхъ соопечественниковъ, которые милостіями своими спасають и оставляють на пути добродѣтели горестивыхъ и честныхъ ближнихъ своихъ, гонимыхъ fortuneю. Слезы благодарности, хвала Сердцевѣдцу — вошь жертва, которую не престануть приносить бѣдная мать и дочь о благошворителяхъ своихъ, которые будутъ для нихъ гениями — спасителями ошчаянія.

Вдова сія, Коллежская Регистраторша Олимпіяда Кирилова дочь Нередицкая, имѣеть жилище въ Рожественской части 4 квартала въ Подгорной улицѣ, въ домѣ Надворнаго Совѣтника Фарафонтова подъ Но 432.

Почтенные соотечественники! пролейте опраду въ душу несчастныхъ, и рука дающихъ ошь достоянія своего не оскудѣеть.

Съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ честь имѣю бышь и проч.

Константинъ Гульельми.

ныи извѣстія о непріятельскихъ дѣйствіяхъ Американской эскадры противъ Турецкихъ кораблей. — Были случаи, въ которыхъ Американцы оказали важныя услуги Грекамъ въ Архипелагѣ. Сія эскадра въ честь освобожденія Мореи сдѣлала нѣсколько поздравительныхъ выстрѣловъ съ кораблей своихъ. —

Вся сила Оптоманской Порты состоить теперь изъ слѣдующихъ войскъ: инфантерія: Янычаровъ 113,400 человекъ; Топаджей или Арпилерійство 16,000; Гумбараджевъ или бомбандировъ 2,000, Б-спанжіевъ 13,000; на Европейскій манеръ образованнаго войска 20,000; Морскихъ солдатъ 50,000; Валахскій и Молдавскій корпусъ 6,000; Мапергисовъ, команды для разбиія палатокъ 6,000; и такъ всего сухопутнаго войска считается 226,000 человекъ. Кавалерія: Спатовъ, получающихъ постоянное жалованье 10,000, Рейшкнехтовъ и багажныхъ 1,000; конной милиціи Тимарионовъ 132,000; волонтерской легкой кавалеріи или Деглисовъ 10,000; Гебѣджисовъ или резервныхъ 19,000; всей кавалеріи 172,000 человекъ.

Константинополь укрѣпляется Турками. Тамъ перерѣзано нѣсколько тысячъ Грековъ. Домъ Испанскаго Посланника разрушенъ до основанія бунтовавшею чернью; при чемъ два Испанца лишились жизни

(Изъ Hamburg Corresp.)